

СОТЕЧЕСТВЕННИКИ

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

БОРИС БАТЫРШИН

Крымская война

Борис Батыршин
Соотечественники

«ИП Каланов»

2017

Батыршин Б. Б.

Соотечественники / Б. Б. Батыршин — «ИП Каланов»,
2017 — (Крымская война)

ISBN 978-5-04-089023-1

Война выиграна? Нет, пока не война, а только первые её сражения. И на этот раз, события снова разворачиваются в Крыму, но сразу в двух временах – в 1920-м году в Севастополе, откуда остатки белой армии бегут под натиском красных, и в 1854-м году, где англо-французская армада, крепко получив по зубам, отползла прочь, зализывая раны. Но только «соратники» из будущего, распробовав вкус победы, на этом не остановятся. И на этот раз задача у них куда масштабнее...

ISBN 978-5-04-089023-1

© Батыршин Б. Б., 2017
© ИП Каланов, 2017

Содержание

Вместо пролога	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	19
Глава четвертая	24
Глава пятая	30
Глава шестая	36
Глава седьмая	41
Глава восьмая	47
Глава девятая	53
Глава десятая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Борис Батыршин

Соотечественники

© Борис Батыршин

Вместо пролога

Из речи ректора Зурбаганского Императорского Университета 1917 Р.Х./62 Э.О.В. гг.

«...отмечаем годовщину главного события в истории – за исключением, разве что, Рождества Христова. Недаром оно тоже стало точкой отсчета новой эпохи.

Объединение усилий человечеств, соединенных Осью Времени, дало поразительный эффект: на обеих планетах люди скоро забудут о войнах, нищете, голоде, термоядерная энергетика открыла нам невообразимые горизонты. Созданы и разумно упорядочены Инфосферы, и здесь надо отметить колоссальные трудности, которые пришлось преодолеть «той стороне» в эпоху так называемого «сетевого варварства». Люди обосновались на Луне и Марсе. Пока мы отстаем от наших собратьев, уже добравшихся до спутников планет-гигантов, но ведь они много раньше нас вступили на космическую тропу! К тому же, трудно переоценить наш вклад в области исследований метрики пространства-времени – а ведь именно это проложило путь к освоению Солнечной Системы, и скоро откроют Объединенному Человечеству и дорогу к звездам.

Историки науки порой говорят о событиях, приведших к созданию Оси Времени, как о цепи случайностей. Случайно физики набрали на «эффект хронопробоя»; случайно к нам угодили «попутчики», моряки «Алмаза» и «Заветного»...

Я не согласен со столь механистической точкой зрения. Движениями отдельных молекул в объеме газа управляет случайность, но все вместе они подчиняются законам, регулирующим состояние вещества. Шестьдесят три года назад, случилось то, что должно было случиться согласно законам Познания, столь же непреложным, как и законы термодинамики. Возможно, это произошло бы несколько позже, и не в России... хотя я не в силах представить другую страну, другую, если хотите, цивилизацию, которая смогла бы столь полно воплотить в жизнь возможности, открывшиеся перед человечеством...»

Часть первая «Уходили мы в бой и в изгнание...»

Глава первая

I

Миноносец «Живой»

«Минцлѣ годѣ съ того дня, какѣ начались мои испытанія. 23-го октября 19го года пришлось оставить вмѣстѣ съ колонной добровольцевъ родной городѣ. Я покинулѣ домѣ не по своей воли – мнѣ нечего было ждать, кромѣ преслѣдованій, вѣдь я считался царскимѣ чиновникомѣ и могѣ быть разстрѣлянѣ какѣ заложникѣ.

Уходили отѣ большевиковѣ всѣ, кто могѣ. Шли подѣ дождемѣ и въ морозѣ въ легкомѣ одѣянїи, безѣ вѣщей и денегѣ, не зная куда...»

Ноябрьский ветер рвал из рук тетрадку. Это была уже четвертая – еще три, исписанные от корки до корки, он таскал с собой от самого Чернигова, по бесчисленным эшелонам, вокзалам, гостиничным номерам. Дневник был последней ниточкой, связывающей Адриана Никоновича с прежней жизнью. Жена умерла за два года до войны. Дочь Ольга поступила сестрой милосердия в санитарный обоз дроздовцев, и после новороссийской катастрофы оказалась сначала в Констанце, а потом в Греции, откуда и переслала отцу письмо. Это само по себе казалось чудом: почта давно не действовала, да и постоянного адреса у Адриана Никоновича не имелось. Он устроился в технический отдел службы тыла армии Врангеля, где и нашло его послание.

Ольгин муж (хирург военного госпиталя, с которым она сошлась в эвакуации) собирается в Америку. И, слава Богу – супруге врача не придется думать о хлебе насущном, не то что ему, путейскому инженеру. Казалось бы: в России, из которой его уносят ветра эмиграции полно дел. Война и смуты привели железные дороги и подвижной состав в плачевное состояние, хороший специалист нужен любой власти, но... Чиновник департамента путей сообщения

еще мог рассчитывать, что новая власть простит ему вицмундир и седьмой классный чин, но вот служба у Врангеля... нет, Адриану Никоновичу не хотелось в пресловутые подвалы ЧК!

На борт он поднялся в числе последних. Суда, предназначенные для эвакуации были сплошь старые корыта: котлы изношены, холодильники текут, подшипники – слезы. Рабочие портовых мастерских разбежались, да и какие мастерские в убогом керченском порту? Пришлось наспех собирать ремонтные бригады и, пока другие грузились на пароходы, Глебовский пытался оживить старые механизмы, чтобы они хоть на последнем издыхании, а дотянули до Константинополя.

Миноносец «Живой», на котором исправна была одна машина из двух, был набит людьми, как жестянка сардинами. Отдельная каюта, обещанная Врангелем («Господин инженер, еще немного постарайтесь, всех надо увезти! Потом отдохнете, я распоряжусь вам каюту...»), осталась на пароходе «Мечта» – Адриан Никонович уступил ее приват-доценту Осиповичу с женой и дочерьми. На «Мечту» грузили керченские учреждения: интендантство, пограничную стражу, комендатуру. Беженцы перебирались на пароход с угольной баржи: ее подогнали к борту, и люди, порой немолодые, тучные, карабкались по трапу, роняя саквояжи и узлы. Высоченный форштевень океанского чудовища нависал над ними, и солнце, ненадолго выглянувшее из-за туч, вызолотило буквы на борту. Это и правда была мечта – надежда на спасение, на новую жизнь, которую, черт знает, как, начинать на чужбине...

Приняв на борт семь тысяч человек, «Мечта» прощально взревела сиреной и выползла на рейд. А Глебовский вернулся в мастерские. Если не успеть с починкой – буксирный катер «Херсонес», назначенный «Живому» в сопровождение, так же гуднет и уйдет на запад. Капитан «Херсонеса» обещал ждать до последнего, но и ему не хотелось отваливать от пирса под перестук красных пулеметов.

Они успели. В три часа пополудни «Херсонес» поволок миноносец на внешний рейд. На окраинах уже постреливали – то ли шалили очумевшие от безвластия бандюки, то ли входили в город передовые разъезды красных. Погода портилась, накрапывал дождь. Глебовский, сжевав припасенную сайку, устроился под парусиновым тентом и раскрыл тетрадку.

– Слыхали, Федот Демьяныч, что духи гуторют – машина не сдюжает! Скоро встанет совсем, а волны – вона оне какие!

Матрос, которому были адресованы эти слова, яростно поскреб в затылке.

– Это что ж, в обратку до Керчи вертаться?

– Ка-акое там, в обратку! – первый поежился и поплотнее закутался в бушлат. – Чтобы к краснюкам назад – да ни в жисть! Они ж всех повбивают!

– Нет, – подумав, ответил Федот Демьяныч. – Меня не тронут!

– Это с чего? Всех повбивают, а вас отпустить? Можя и горилки на дорожку дадут?

– Ты, Семка, брось скалиться, выбью зубы-то! Раз говорю – не тронут, значицца, так оно и будет. Как им тронуть, коли я ихний, красный! В восемнадцатом, на Волге, на плавбатарее «Сережа» заряжающим состоял при четырехдюймовой орудии! В боях за Свияжск меня и ранило. Думали, помру, но бог уберег: брательник забрал из госпиталя, увез к себе, в Таганрог, откормил, выходил. А потом уж и белые мобилизовали.

– Тогда, оно конешно... – согласился Семка. – Тогда, мабуть, и не шлепнут.

Адриан Никонович засунул тетрадь за пазуху и прислушался. Сквозь размеренные удары волн и завывание ветра больше не пробивались звуки машинного отделения. Глебовский нахмурился, положил руку на леерную стойку. Так и есть – ладонь не ощущала привычной дрожи. Вот и угольный дым из труб стал пожиже...

– Так-то, господин хороший, поломался кораблик! – сказал Семка, заметив манипуляции инженера. – Но вы не дрейфьте, «Херсонес» выгащит, лишь бы погода не испортилась!

Волны и правда, становились выше; идущий впереди «Херсонес» валяло с борта на борт. Буксирный трос то натягивался, как струна, и тогда с него во все стороны летели мелкие

брызги, то бессильно обвисал, погружаясь в воду. Порой корма буксира скрывалась за пенными гребнями. Матрос прав – близится шторм.

II

Севастополь.

Двор городской прогимназии

На плацу было непривычно тихо. Атмосфера брошенного армией города передалась и этому зданию, нынешние обитатели которого долгие годы хранили верность Белой идее. Они и сейчас ей не изменили, эти юнцы, затянутые в хаки, с приставленными к ноге винтовками.

Генерал Стогов пробежал взглядом по лицам. Усталые, сосредоточенные, нарочито-веселые... Вот этот, с соломинкой в зубах, бравирует равнодушием – наверное, воображает себя эдаким лейб-кирасиром. Сигара, французская брань, стек хлопывает по голенищу, марш-марш во главе спешенного эскадрона, в штыки, на проволоки, на тяжелые гаубицы...

Стогов усмехнулся. Нет, ребята, тем гвардионцам не равняться с вами. Вы пережили кровавый хаос 18-го, германскую оккупацию Украины, гетманщину, петлюровщину. Вслед за армией Деникина вы перебрались в Крым, когда Киевское Константиновское военное училище было переведено в Феодосию. В бурях Русской Смуты вы хранили верность своей альма-матер, верили, что Россия воспрянет, и ей снова понадобятся кадровые офицеры. Из вас половина с боевым опытом: вы ходили с улагаевским десантом, дрались в январе 20-го у Армянска, в кубанских плавнях, в Северной Таврии, на Перекопе. А сколько вас лежит на кладбище в Феодосии...

Но теперь все конечно. Остатки войск грузятся на пароходы в Керчи, Ялте, Евпатории. Эта рота – все, что осталось, чтобы прикрыть последние транспорты. Дать время измученным, отчаявшимся приват-доцентам, штабс-капитанам, чиновникам и их семьям, князьям, чьи плечи помнят эполеты гвардии, бывшим октябристам и монархистам, протиравшим брюками скамьи Государственной думы, эсерам, оборонцам... "Какие-то конституционные, прости господи, демократы! – возмутился генерал. – А я их привык считать, простите, изменниками! А тут – возись, спасай, вывози... оставить эту сволочь большевикам, и вся недолга!"

После революции Стогов долго скитался с подложными документами. И как-то, в марте 18-го случайно узнал, что на запасных путях одного из московских вокзалов стоит штабной вагон Бонч-Бруевича, товарища по академии Генерального Штаба, а ныне – руководителя Высшего военного совета Республики. Стогов, заросший нечесаной бородой, в рваном тулупе, с красными от бессонницы глазами, подошел к «красному генералу»:

– Не узнаете, Михаил Дмитриевич? Я – Стогов...

Его приняли. Совдепы нуждались в грамотных штабистах, Стогова ценили, хотя и не вполне доверяли. Председатель Высшей военной инспекции Подвойский думал иначе:

"Стогов, хороший авторитет, большой человек. Он не верит ни в режим, ни во что, но я не постеснялся бы взять его в инспекцию..."

Подвойский ошибался. Стогов, служа красным, установил связь с подпольным Штабом Добровольческой армии Москвы, числился главкомом Московского района. После ареста бежал в Польшу, пробрался на юг России, служил при штабе Шкуро, а в мае 20-го стал комендантом Севастополя.

Но все это в прошлом. Сейчас осталось одно: сделать так, чтобы беженцы поднялись по трапам, набились в трюмы, заполнили палубы. А потом – смотрели на тающий вдали берег, рыдали, бились в истерике, стрелялись в шаг... от чего? От непонятной, постылой жизни в эмиграции. Россия для них потеряна.

Но не для этих ребят, младшему из которых едва стукнуло шестнадцать, а старшему нет и двадцати. Им проще: рядом плечо товарища, рука сжимает цевье трехлинейки. Одеты

с иголки, в английское хаки: френчи с накладными карманами, бриджи, высокие ботинки, твердые кожаные краги. Только фуражки русского образца – начальник училища нипочем не соглашался брать английские, плоские как блин.

– Командир роты, ко мне!

Подбежал, придерживая шашку, штабс-капитан Рукавишников. Щелкнул каблуками, брякнул шпорами.

– Выдвигайтесь к северу, вдоль приморского шоссе. Из Евпатории сообщили по проводу: с севера подходят массы конницы. Это бандиты из армии Махно, те, что четыре дня назад разбили у Карповой Балки корпус Барбовича. Дорога на Севастополь для них сейчас открыта. Займите позиции на Альме, – это самый удобный рубеж обороны. Если махновская конница двинется на юг – продержитесь хоть до завтрашнего вечера. Я вас дождусь с последним паромом, слово офицера!

Генерал говорил громко, юнкера все слышали. Недоумение и испуг на их лицах сменялись отчаянной лихостью. Ротой задержать врага, разбившего лучшую кавалерию белых? Да запросто. Они константиновцы, они справятся!

– До Альмы, ваше превосходительство, полсотни верст. – осторожно возразил Рукавишников. К завтрашнему утру дотопаем, не раньше. А еще и назад..?

– Зачем своими-то двоими? Берите грузовики, какие найдете, приказ я напишу. Среди юнкеров есть шоферы?

Штабс-капитан повеселел.

– Найдем, вашпревосходительство! Во втором взводе Михеев, да Овечкин, да Рыбайло из четвертого. Я и сам, если надо, сяду за руль!

– Вот и славно! Берите патронов побольше, пулеметы. Встретите этих бандитов константиновским горячим приветом!

Эти слова он произнес громко, и шеренга юнкеров отозвалась дружным «ура». Ни тени сомнений на мальчишеских лицах – глаза горят, марш вперед, труба зовет, черные гусары!

– Разрешите обратиться вашпревосходительство?

Штабс-капитан обернулся. Спрашивал юнкер первой шеренги, тот, что грыз соломинку – высокий, русоволосый, фуражка лихо заломлена на левое ухо.

– Что тебе, Михеев?

– Мы в порту видели брошенные броневики, «Остин» и «Ланчестер». Оба исправные. Разрешите, мы их того, экспроприруем?

Стогова резануло это пакостное словечко – «экспроприруем». В бытность свою у красных он наслушался немало подобных слов, его тошнило от языка «товарищей». А юнкер ввернул походя, не задумавшись, что за этим стоит: – стук прикладов в двери петроградских особняков; кольца, ордена, фамильные драгоценности, вываленные из бабкиных шкатулок в портфель «уполномоченного»; банки американских консервов, припрятанные на черный день и тоже изъятые...

– Хвалю за смекалку, юнкер! Степь там ровная, верховому от броневика не уйти.

Затарактело, в распахнутые ворота влетела мотоциклетка. Поручик, с ног до головы затянутый в кожу, сдвинул на лоб очки.

– Вашпревосходительство, вас требует начальник порта! Корабли пришли какие-то непонятные, никто не знает – кто, откуда?

Генерал кивнул и направился к штабному «Дион-Бутому». Плац уже наполнился той особой военной суетой, что сопровождает выдвижение части с места дислокации. Краем глаза Стогов увидел, как трое юнкеров во главе с давешним «шофэром» – как его, Михеев? – выскочили за ворота. Один волок на плече жестянку с моторным маслом. Тут все в порядке, с облегчением подумал генерал. Константиновцы не подведут.

III

Севастополь.

Графская пристань

– Это за кораблики? Может, французские? – спросил Митяй. – Ни разу таких не видал, а ведь я в Севастополе с таких вот годков проживаю!

И показал рукой на аршин от земли.

– Дурень ты, парень, прости Господи! – степенно отозвался дядя Жора, слесарь из портовых мастерских. Митяй состоял у него в подручных, и оба они входили в подпольную большевистскую ячейку. – Какие французы, ежели у них гюйсы царские? Да и видели мы французские корабли, не такие они совсем.

Макарьев кивнул. Всего недели две назад его флагман адмирала Шарля Дюмениля, броненосный крейсер «Вальдек-Руссо» дымил своими шестью трубами напротив Графской пристани, и стволы главного калибра – по одному в башне, вот дурист-то! – угрожающе смотрели на город. Французские корабли не так уж отличались от собратьев русской постройки. Инженер Ермолаев, начальник механического участка, на котором работали и Макарьев и дядя Жора и балабол Митяй, рассказывал, что русские броненосцы, потопшие при Цусиме, тоже строили по французским проектам. Нашли, что копировать! Представить себе что-то столь же нелепое, как шеститрубный «Вальдек-Руссо» – это надо суметь!

Но корабль, вошедший в Севастопольскую бухту, ничем не напоминает бронированные калоши Третьей Республики. Сильно наклоненный вперед, какой-то сплюснутый нос. Надстройка сдвинута к корме, впереди – круглая башня с двумя тонкими стволами. Еще одна на полуюте; единственная труба, широкая и плоская, завалена назад. И не дымит – не считать же за дым легкую, едва заметную пелену над трубой?

Неизвестный корабль был поменьше «Кагула», но крупнее эсминцев, вроде «Фидониси» или героической «Керчи», команда которой, верная делу Революции, предпочла потопить свой корабль в Туапсе, а не сдать империалистам.

С эсминцами можно скорее, сравнить второго пришельца. Правда, его силуэт заметно выше черноморских «новигов». Высокий полуют, форштевень, будто у гоночных яхт. На надстройке, позади носовой башни торчат непонятные штуковины, на манер барабанов, на которые по ободу нацеплены то ли трубы, то ли штыри. Шаровый цвет, гюйс трепещет на носовом флагштоке...

– Не бяки это. – уверенно заявил дядя Жора. – Нету у них таких посудин! И у ханцувов нет, и у англичан. Они вообще ни на что не похожие!

Дядя Жора работал на многих верфях – и на Невском заводе, и на адмиралтейских эллингах, и даже на Тихом океане побывал, когда адмирал Макаров в 1904-м привез рабочих-ремонтников в Порт-Артур, чинить подорванные японцами корабли. В Севастополь он перебрался в 1908-м, и с тех пор состоял при ремонтных эллингах. Там и познакомился с большевиками.

– Мож, с Тихого Океану? – предположил Митька. – Гуторили, что из Владивостока Врангелю идет подкрепление.

Макарьев с сожалением покосился на паренька.

– Ты котелком своим подумай! Ежели они шли с самого Тихого Океану – значит, Босфор проходили, верно?

– Ну, верно... – согласился Митька. Он чуял подвох, но не понимал, какой.

– А раз верно – то дружки ихние из Антанты должны были сказать, что Врангель уже салом пятки смазал и драпает? Или они от Стамбула аж с девятого числа телепались?

Девятого ноября пали укрепленные позиции армии Юга России на Турецком валу и красные хлынули в Крым. Митька пошевелил губами, произвел в уме подсчеты и в досаде надвинул картуз на нос.

– Ладно, Митяй, ты пока побудь тут, понаблюдай, а к вечеру чтоб был на Карантинной. – подвел итог Макарьев. – Пошли, дядь Жора, надо собирать ячейку. Кажись, беляки решили в Севастополе задержаться. Надо сообщить в штаб Южфронта: товарищи думают, что в Севастополе белых войск нет, войдут – и наскочут на этих!

IV

Подводная лодка «Имени тов. Троцкого»

Подводной лодке АГ-23 (серия «Американский Холланд») не довелось принять участие в Мировой войне. Построенная в канадском Ванкувере для англичан, она была приобретена в конце 16-го года заводом «Ноблесснер» по заказу российского Морведа и через год, в августе 17-го, ее зачислили в списки черноморского подплава. «Американку» в разобранном виде перевезли по морю во Владивосток, откуда на железнодорожных платформах, проделав посуху половину кругосветного маршрута, она попала на завод «Наваль» в Николаеве.

Российская империя к тому времени уже кончилась; в бурях Гражданской войны стало не до американской «гостыи». АГ-23 так и простояла на стапеле, пока в городе, как узоры цветных стеклышек в калейдоскопе, менялась власть. 14-го февраля 1918-го года в Николаев пришли Советы; вслед за ними в город вползли стальные германские колонны. Эти тоже не задержались: в конце года немцев сменила Антанта. В марте 19-го вернулись красные, лишь для того, чтобы в августе уступить город армии Деникина. Но ненадолго: в январе 20-го года красные прогнали «добровольцев» прочь, и в эллингах закипела работа. Республике рабочих и крестьян требовался флот на Черном море.

Тут-то и вспомнили о недостроенной «американке»: осмотрев лодку, начмехчасти Упрподплава Морсил заключил, что ввод ее в строй не потребует чрезмерных затрат.

1-го июня лодка, получившая название «имени тов. Троцкого» была спущена на воду. Ее новый командир, Александр Алексеевич Иконников, бывший лейтенант Российского Императорского Флота, опробовал субмарину на мерной миле и сделал несколько учебных выходов в Днепро-Бугский лиман.

Если с погружениями и навигацией экипаж еще справлялся, то стрелять было нечем – в Николаеве не нашлось торпед для американских аппаратов. Тем не менее, Иконников трижды ходил до самой Одессы и 21-го октября отрапортовал начвоенмору Юго-западного фронта товарищу Измайлову о том, что первая красная подводная лодка на Черном море готова драться с гидрой контрреволюции.

Сама гидра к тому времени уже издыхала, но еще огрызалась. В середине ноября субмарина «имени тов. Троцкого» вышла в боевой рейд. Целью были караваны судов, на которых врангелевцы удирали под крылышко Антанты. Выход обещал стать непростым: беляков сопровождали французские эсминцы, а с ними шутки плохи. К тому же, в 45-ти сантиметровые аппараты были загружены, за неимением подходящих торпед, 38-ми сантиметровые. 14-го ноября лодка встретила караван и попыталась атаковать, но заместительные решетки, приспособленные под нестандартные торпеды, подвели. Едва разойдясь с эсминцем «Пылкий», субмарина отстала от конвоя. Связи с берегом не было; на лодку перед выходом в море прислали телеграфиста, мобилизованного на ближайшей железнодорожной станции, но даже приставленный к затылку маузер не помог бедняге разобраться в проводах и катушках «Телефункена».

А все же, отпускать беляков без последнего «прости» от Республики не хотелось. Иконников, посоветовавшись с комиссаром, принял решение: «Идем к Севастополю». Да, основной караван они упустили, но можно перехватить кого-то из числа припозднившихся. Те пойдут

без конвоя, и даже если торпеда снова не выйдет из аппарата, можно пустить в ход артиллерию. Горючка в цистернах стояла на половинной марке, до Севастополя всего-то полсотни миль – так что авось, и получится поймать какую-нибудь калошу с беглыми кадетами, юнкерем и штатской контрой. Нечего им из Европы гадить молодой Республике Советов!

К вечеру 15-го погода испортилась. Пролетарской сознательности команде было не занимать, но это не помогало справиться с штормом. Приходилось жечь драгоценное топливо. Злая черноморская волна перехлестывала через низкую палубу, гнула леерные стойки, разбивалась о рубку. Возню с торпедными аппаратами пришлось прекратить, хотя механик Водяницкий клятвенно обещал, что чертовы трубы сработают, как надо. Пока же приходилось рассчитывать только на гочкисовскую пукалку, годную разве что, против рыбацких шаланд...

Но возвращаться еще рано. Революционный приказ не выполнен, и виноват в этом он, краском Иконников. Что мешало опробовать аппараты во время пробных выходов? Не захотел возиться, ловить торпеды в мутно-желтой водице лимана. Даже в царские времена, когда учебные стрельбы проводились на специальных станциях, где были и сетевые боны и барказы-торпедоловы, терялась одна торпеда из пяти. А при нынешнем бардаке сколько потеряется? И кому отвечать за утраченное имущество? Ему, Иконникову! Бумажками не отделаться, могут и во вредительстве обвинить. У комиссара это быстро – вон, как косился, когда два дня тянули с исправлением аккумуляторных батарей! Бывший студент-филолог, Маркса наизусть шпарит, а вот отличить клинкет от комингса – это извините, не к нему. Но не трус: не всякому достанет мужества нырять под воду в пропахшем соляровым маслом, потом, парами кислоты железном гробу, с командой, половина которой до сих пор ходила разве что на портовых буксирах...

– Право два! – отрывисто бросил Иконников. Рулевой был настоящий, из *прежних* – кондуктор Салотопов, в германскую служил в балтийском подплаве. Он, да механик Водяницкий – вот и все ветераны.

– Идем к Каче, отстоимся в бухте, а как волнение уляжется – к Севастополю. Врангелевцы, небось, тоже пережидают, пароходы-то у них переполнены сверх меры...

Иконников кривил душой. Ждать беляки не будут, выйдут в море при любой погоде. Травить с палуб, мотаться в духоте трюмов на семибальной волне – удовольствие маленькое, но ведь наступающего Фрунзе непогода не остановит. Что ж, нет худа без добра: можно будет зайти в опустевшую бухту, как первый корабль Республики в освобожденном от гидры контрреволюции Севастополе! А беляков на наш век хватит, главные битвы с мировой буржуазией впереди.

Глава вторая

I

ПСКР «Адамант»

Начинаю привыкать к путешествиям во времени, подумал Андрей. В первый раз было потрясение: удар, лиловый вихрь, осознание новой реальности, полное мучительного непонимания и ожиданий неизвестно чего. Во второй раз, когда они возвращались в двадцать первый век, им владело одно чувство – страх. Страх, что опять что-то пойдет не так, что магия Переноса снова сыграет злую шутку: забросит куда-нибудь не туда или вовсе распылит на какие-нибудь кварки, словно смерч, разносящий по соломинке попавшийся на пути стог. Хлоп – и сотни жизней растаяли в лиловом *ничто, нигде и никогда*.

Нечто подобное испытывали и другие, а Эссен и вовсе признался, что незадолго до «часа «Ч» опорожнил бутылку трофейного, взятого на «Фьюриесе» рома и в момент Переноса пребывал в блаженном беспомыслии. Вестовой выволок его палубу, и глазам предстала Балаклавская бухта, корабли с незнакомыми обводами, небо, прочерченное белесыми полосами... а когда над головой повис вертолет, стало ясно, что самое страшное позади.

На этот раз все прошло вполне буднично. По трансляции начался обратный отсчет: «три, два, один...» Палубы опустели: броняшки задраены, оптика закрыта заслонками, электроника, на всякий случай, обесточена. Тряхнуло, правда, изрядно, но и только. Никакой волны вселенского холода, лишь мгновенно возникшая и пропавшая лиловая пелена.

Ожил динамик внутрикорабельной связи. Андрей попробовал встать – тело отозвалось тупой болью, как в затекших конечностях. «Говорит Митин, – прохрипел он в никелированную сетку, – я цел, в отсеке видимых повреждений нет»..

Через четверть минут командир БЧ-4, старлей, заменивший Никиту Бабенко, отрапортовал: связь с экспедицией установлена. Мостик наполнился аплодисментами. Груздев улыбался, раскланивался – похоже, принял восторги на свой счет. Что ж, имеет право... Радист щелкнул тумблером, из динамика зазвучал голос капитана первого ранга Куроедова.

II

Из «Записок Алексея Митина». С-П-бург, изд. «Академия». 1901/46 гг.

«...Удивительно, но для них прошло меньше двух суток! Тридцать семь часов назад БДК проекта 775 «Можайск» и сторожевик проекта 1124К «Помор», вывалились из Воронки Переноса. И сразу стало ясно что «Пробой», огромная тороидальная установка, смонтированная на транспорте «Макеев» и прозванная остряками Проекта ЦЕРНом, сработала нештатно, забросив экспедицию куда-то не туда. Доказательства налицо: в 1854-м году, куда они направлялись, радиосвязи не было даже в проекте, телеграф – и тот оптический. А тут в эфире сплошная морзянка!

«Время пребывания», 14-е ноября 1920-го года, установили, как только поймали передачу «радиожурнала вестник РОСТА». А там и на Париж настроились – Эйфелева башня исправно вещала в эфир на половину мира.

Что ж, они были готовы и к этому. Стоит передать аварийный код, и умники с «Макеева»-ЦЕРНа вернут «потеряшек» домой. Но скоро специалисты, работавшие с хроноаппаратурой, отрапортовали: связи с «Пробоем» установить не удалось, видимо, лиловая аномалия,

сбила какие-то тонкие настройки. Маяки работают, уверяли ученые, но ответного сигнала ЦЕРНа нет. Их попросту не слышат.

Что делать дальше – идти в Севастополь, высаживать морпехов, выгружать технику, брать город под контроль? Сейчас он пуст: последние пароходы с беженцами вот-вот отойдут от пирсов, но завтра, самое позднее, послезавтра в город войдут красные. А от Балаклавы, на траверзе которой стоят корабли экспедиции, до Графской пристани всего два с половиной часа ходу...»

III

Гидрокрейсер «Алмаз»

– «Алмаз» теперь не узнать, – восторженно повторил Жора Корнилович. – И снаружи и внутри – другой корабль! Одни устройства связи чего стоят, и эти, как их...

– Радиолокаторы. – подсказал Эссен. – Полезная штука. Теперь мы на море кум королю, в любую погоду все видим...

Потомки основательно взялись за крейсер. Полностью сменили электрооборудование – проводку, генераторы, электромоторы. Установили систему пожаротушения, кондиционеры, провели внутрикорабельную связь. У капитана первого ранга Зарина ум за разум заходил, когда ему объясняли назначение очередного новшества.

Эссен две недели провел, как в романе футуровидца мсье Жюль Верна. Да что там Жюль Верн! Многие из его выдумок, стали явью еще в начале XX века. А здесь – истребители, летающие втрое быстрее звука! Снаряды, способные сами находить цель. Громадные вертолеты, в брюхе которых умещаются боевые машины весом в десятки тонн. Ракеты, несущие на другой континент заряды такой мощи, что воображение отказывает при попытке представить себе их взрывы!

В какой-то момент Эссен осознал, что хватит с него чудес: мозг отказывался воспринимать новое, и лейтенант порой впадал в оцепенение. Андрей Митин, сопровождавший его, назвал это явление «футуршоком». Пришлось прервать знакомство с XXI-м веком и отдохнуть.

Футуршок в той или иной степени затронул всех «попутчиков». Потомки это предвидели и приготовили для них резиденцию в лесу, на берегу озера, подальше от суеты и шума немислимо огромных городов. Изысканная пища, спиртное в меру, музыка, прогулки, фильмы на громадных экранах – цветные, порой объемные, невероятного качества. И – женщины! Доброжелательные, всегда готовые выслушать гостей и, ненавязчиво внушить им, что спешить не стоит: будущее никуда не денется, а пока лучше успокоиться, расслабиться, и... Легкомысленные наряды дам, стиль общения, далекий от викторианской чопорности, вгоняли алмазовцев в оторопь. А они-то, наивные, считали, что их Россия, особенно Петербург, страдали упадком нравственности!

Поначалу Эссен вздрагивал и отворачивался, при виде блондинистой красотки с ногами, открытыми взорам до самой... высоко, в общем, открытыми. Эссену случалось рассматривать открытки «для мужчин», которыми торговали в иных книжных лавках, но по сравнению с картинками в журналах потомков...

Позже Эссен узнал, что доброжелательные дамы все до единой, были штатными психологами Министерства Обороны и призваны были облегчить гостям адаптацию. И в методах они не ограничивали ни себя, ни подопечных. Алмазовцы, те, что помоложе, за глаза подтрунивали над Зариным и старшим офицером – оба были давно и безнадежно женаты, и обожали своих избранниц.

Пребывание в «доме отдыха» не сводилось к вечеринкам, фильмам и общению с военными психологами в ажурных чулках. Постояльцам предложили курсы лекций, в первую очередь, по истории. На занятиях сидели с открытыми ртами, кое-кто по вечерам напивался, пыта-

ясь примириться с услышанным. Или искал спасения в обществе упомянутых дам. Помогало не всем – Корнилович, к примеру, не выдержал и впал в меланхолию. Его увезли на несколько дней, а когда вернули – от уныния не осталось и следа. В ответ на расспросы мичман отмалчивался и загадочно улыбался.

Кроме лекций истории, «попутчикам» предлагали занятия и по другим темам. Авиаторов и моряков, прежде всего, интересовали достижения техники, особенно военной, и тут преподавателям было что рассказать и показать...

А потом в «доме отдыха» появился Груздев. Он был травмирован по время Переноса, и пока остальные воевали с вторгшимися в Крым интервентами, валялся в беспомощности на койке Морского госпиталя под присмотром Пирогова. Как хирург вернул ученого к жизни, Эссен не знал, но слышал, что именно Груздев, на пару с молодым ученым Валентином Рогачевым сумели переправить их в XXI-й век. И когда эти двое появились в холле, Эссен понял – отдых окончен. Пора браться за дело.

IV

Из предисловия к «Введению в хронофизику» Изд. З.И.У. 1897/43 гг.

Фрагменты лекции профессора Груздева. Восстановлено по воспоминаниям и личным записям слушателей.

«...полагаете, что «факирские трюки со временем», как сострил давеча один из вас, непостижимы для обычного человека? Да, понимание хроноквантового механизма Переноса требует подготовки. Но если говорить о практическом применении, то все не так уж и сложно. Требуется лишь немного воображения.

Прежде всего, надо уяснить, что мы имеем дело не с одной временной осью, простирающейся из прошлого в будущее, а с пучком параллельных линий, на которых события развиваются одинаково, а могут и отклоняться от «генеральной линии». Вспомните: многие из вас, попав сюда, открыли учебники по истории, и – о, ужас! – ни слова не нашли о своих подвигах в прошлом! Оказывается, и у нас Крымская война закончилась поражением России! Те, кто подтошнее, полезли в труды по истории Первой мировой. И обнаружили, что крейсер «Алмаз» и миноносец «Заветный» не пропадали после набега на Зонгулдак, а довоевали до семнадцатого года и приняли участие в последующих событиях. Но позвольте, как же так, спросите вы? О каком «Алмазе» говорится в этих книгах? Или «Алмазов» – два?

То-то и оно, что два, друзья мои! И не два даже, а бесконечное множество. На каждой из временных (я буду пользоваться в дальнейшем термином «мировых») линий – свой «Алмаз», свой Севастополь, своя Россия, своя планета Земля! И далеко не факт, что события на них развиваются одинаково.

Тут следует сделать оговорку. Наши «факирские трюки» позволяют переместиться лишь на ту «мировую линию», которая отстаёт от нас во времени. Иначе говоря, мы пока не можем послать экспедицию, например, в 2170-й. Но, как известно знатокам карточных фокусов, «наука умеет много гитик». И одна из них такова: если отклонить «мировую линию» от «параллели» – то есть, вмешаться в происходящее настолько, что это изменит известную нам историю, то и продолжение этой «мировой линии» станет для нас доступным. Быть может, в этом проявляется действие фундаментальных законов Мироздания, которые позволяют заглянуть в чужое, но только не в свое будущее? Впрочем, это вопрос философии, чем хронофизики...

Но зачем вам чужое будущее, спросите вы? Что ж, вполне ожидаемый вопрос.

Технологии, друзья мои. Достижения науки и техники, ушедшие вперед от нас так же далеко, как мы ушли от начала двадцатого века. Уверен, многие из вас прикидывали, что они устроили бы в начале двадцатого века, будь в их распоряжение наше оружие и техника. Соблаз-

нительно? Еще как! Есть целый литературный жанр, обыгрывающий этот нехитрый сюжет – так называемое «попаданство».

Не чужды эти мысли и нашему руководству. Оно тоже хочет заполучить некое чудодейственное средство, возможно даже «чудо-оружие». Увы, наша страна балансирует на грани конфликта с другими державами. . . ничто в мире не меняется, не так ли? И, чтобы занять ведущие позиции в мире, нам нужны прорывные технологии.

Это возможно?

Да, утверждает теория. Это возможно, если кардинально изменить ход истории на другой мировой линии. Тогда наши посланцы смогут отправиться, скажем, в *их* двадцать третий век и доставить оттуда что-нибудь эдакое. Секрет антигравитации, средство от рака, сведения об еще не открытых полезных ископаемых. . . Словом, то, что можно употребить на благо страны.

Итак, задача была поставлена, ученые Проекта взялись за дело. Установка «Пробой» отправила в 1854-й год два корабля с заданием: изменить итоги кампании 1853-55 годов в пользу России. Замечу: требовалось не вести войну «до победного конца», а лишь нанести интервентам такой урон, после которого русские войска смогут победоносно завершить кампанию. Этого хватило бы чтобы «мировая линия» отклонилась от «генеральной последовательности».

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Аномальная Воронка захватила не только корабли экспедиции, но и сторожевик «Адамант», а так же, разъездной катер с Сергеем Велесовым. С обломков этого катера вы сняли его в 1854-м.

На этом сюрпризы не закончились. Вместо того, чтобы доставить всех в 1854-й, Воронка зацепила еще одну «мировую линию», – ту, на которой находились вы. И произошло то, что мой коллега Валентин Рогачев назвал «клапштосс». Вы знакомы с этим бильярдным термином – когда биток наносит удар по шару, тот катится дальше, а сам биток остается на месте. Представьте, что шар – это группа из «Алмаза», «Заветного», турецкого парохода и случившейся рядом субмарины. Получив удар, они летят напрямик в «лузу» – в 1854-й год. А «биток», то есть «Можайск» с «Помором» остаются в 1916-м, на той «мировой линии», из которой были выбиты вы.

Что их там ждет? Не имея возможности вернуться, наши посланцы могут принять участие в Мировой войне на стороне Российской Империи. Или постараются остаться в стороне, хотя я, признаться, не представляю, как это возможно. Черное море – не Тихий Океан, где можно найти островок с пальмами, кокосами, морально нестойкими туземками, и отсиживаться там хоть десять лет. . .

В-общем, экспедицию надо вытаскивать. Мы планировали, что, выполнив задачу, они подадут сигнал (для этого на «Можайске» имеется установка хроноквантовой связи), и «Пробой» сформирует Воронку обратного Переноса. И разумеется, они должны были запросить эвакуацию, как только поняли, что оказались «не там».

Но этого не произошло. Почему – мы не знаем; можно предположить неполадки, связанные с аномальным характером Переноса. И не узнаем, пока спасательная группа не разыщет экспедицию.

Эта группа будет состоять из двух кораблей: «Алмаза» и «Адаманта» со смонтированной на нем компактной установкой «Пробой-М», способной работать независимо от ЦЕРНа на «Макееве». При необходимости, «Пробой-М» позволит сформировать собственную Воронку Переноса.

Почему мы не отправляем в прошлое корабль побольше и помощнее – скажем, ракетный крейсер или атомную подводную лодку? Дело в том, что кристаллическая решетка металла корабельных конструкций претерпела во время Переноса изменения. В ней как бы отпечатался «маршрут» между «мировыми линиями», и теперь этим кораблям несказанно проще повторить уже пройденный путь.

Но вернемся немного назад. Мы все – и вы и те, кто был на «Адаманте», – провели в девятнадцатом столетии около трех месяцев. А когда вернулись в двадцать первый век, то обнаружили, что отсутствовали всего несколько часов! По нам не успели даже соскучиться.

Логично предположить, что, отправившись в 1916-й год, «спасатели» лишь ненамного отстанут от «потеряшек». Математические модели дают интервал от нескольких часов до нескольких суток, так что есть шанс, что наши друзья не успеют попасть в беду.

Но, к сожалению, не все так просто. У нас нет уверенности, что «Можайск» с «Помором» и те, кто отправится за ними, откажутся в той точке «мировой линии», из которой исчезли вы, то есть в феврале 1916-го года. Тут снова уместна бильярдная аналогия: подобно тому, как биток после соударения может немного откатиться назад, корабли экспедиции могли, после «соударения» с вами, «отскочить» по оси времени в будущее. Как далеко – мы не знаем. Возможно, речь идет о нескольких часах. Возможно, о нескольких месяцах. Надеюсь, данные, полученные новой экспедицией, позволят составить более точную математическую модель, и вот тогда...»

Глава третья

I

Севастополь и окрестности.

Грузовиков раздобыли целых пять: английский «Пирс-Эрроу», оставшийся от немцев «Бенц», два «Фиата» с тентами на железных дугах и еще одного «итальянца» – грузовик SPA для перевозки аэропланов. При нем даже был водитель – унтер, присланный хлопотать об эвакуации забытой в суматохе Качинской авиашколы. Бедняга целый день мотался по городу в поисках начальства, но до аэропланов уже никому не было дела. А потому константиновцы «экспроприировали» и грузовик и унтера, пообещав по дороге завернуть в Качу.

Газойля было вволю – за портовыми пакгаузами громоздились штабеля железных бочек. Кто-то из юнкеров предложил их подпалить, чтобы не оставлять краснопузым, но ротный жестко осадил шутника. Юнкера опешили, а поручик спокойно разъяснил: армия Юга России оставляет Севастополь, ничего не разоряя, не взрывая, не поджигая. Только на этом условии красные давали им несколько лишних дней для эвакуации.

Пока прикидывали, как разместиться в кузове «аэропланного» грузовика, пока грузили пулеметы, ящики с гранатами и патронами, пока раздавали по рукам сухари и консервы, Михеев с приятелями подогнали броневики. Их тут же облепили любопытные, а поручик Ветреников с Колькой Михеевым забрались в «Ланчестер» и принялись греметь железом – снимали пушку, для которой не нашлось снарядов. Предназначенный на замену «Гочкис» лежал тут же, на брезенте. Это был один из тех пулеметов, что стояли на присланных Врангелю английских танках «Уиппет». Они, в отличие от обычных, пехотных питались патронными лентами, а не обоймами, с которыми – поди, повозись в тесноте броневой рубки. Где юнкера сперли это творение французских оружейников, так и осталось тайной.

Рота выдвинулась по маршруту около полудня. Ветер взвизгивал по опустевшим мостовым листья, нес вдоль фасадов по Владимирской россыпи бумаг, вытряхнутых из окон тыловых контор. Грузовики тархтели литыми шинами по брусчатке; над фуражками юнкеров, плотно набившихся на лавки, колыхались штыки, «Льюисы» и «Шоши» растопырились на крышах кабин. Редкие прохожие удивлялись, качали головами: над улицами замершего в тревожном ожидании города, звучала песня, знакомая любому кадету или юнкеру Российской Империи:

*Самотопы чудаки,
То кадеты Моряки!
Жура-жура-журавель,
Журавушка молодой!*

Ах, как печатали шаг по Крещатику юнкера предвоенного выпуска в далеком июне 14-го! Солнечные зайчики играют на трамвайных стеклах, на латуни поручней, перемигиваются с зеркальными витринами магазинов и кофеен. Барышни под кружевными зонтиками улыбаются марширующей роте:

*Полочане как жиды
Всегда вместе, все на ты.*

Эх, было времечко...

Из города выехали вслед за пылящим «Остином»; «Ланчестер», уставивший из амбразуры ствол «Гочкиса», замыкал колонну. Проскочили мост через Бельбек; слева, между тополями мелькнуло море, и колонна прибавила ходу. А песня не смолкала:

*Держит, кто фасон дурацкий?
Третий Корпус Петроградский!*

Версты через три закипела вода в радиаторе «Пирс-Эрроу». Пришлось остановиться; юнкера, разминая ноги, затекшие в тряских грузовиках, затеяли возню. Шофэры погнали добровольных помощников с ведрами к колодцу, а сами подняли жестяные крылья капотов и углубились в священнодействие.

Михеев, повозившись для виду с мотором «Ланчестера» (все шесть цилиндров исправно тянули, не давая повода для беспокойства), устроился в тени мазанки.

– А кто это остался в Севастополе по вам, мон шер, сохнуть? – поинтересовался юнкер Адашев, михеевский приятель, зачисленный в экипаж броневика пулеметчиком. – Признавайтесь, что за чаровница семафорила вам платочком?

– Заливать изволите, Алексис. – отозвался Михеев, поудобнее устраиваясь на охапке соломы. – Кто мог мне *семафорить*, ежели через город я ехал под бронягой? Так что, заканчивайте шутить, а то можно и того, в рыло-с!

Адашев мефистофельски ухмыльнулся. Разговорить приятеля не удалось, но ведь он в самом деле видел, как Коля Михеев украдкой бросал взгляды на окна здания, мимо которого они пробегали утром. И за занавесками действительно мелькнуло что-то...

Юноша сел. Лицо его было тревожным.

– Вот вы шутите, граф, а я места себе не нахожу. Ну, уцелеем мы, погрузимся на пароход. А она что, с красными останется?

Адашев взглянул на друга, и у него отпала охота шутить.

– Отчего же ваша знакомая до сих пор не уехала?

– Видишь ли, тут такая история... Ее батюшка хирург в госпитале – в том самом здании, в женской гимназии. О них, кажется, забыли, и теперь...

Гнусаво заквакал клаксон, вдоль грузовиков побежали дежурные юнкера.

– Ладно, потом доскажу... – Михеев торопливо поднялся и принялся натягивать шофэрскую, хромовой кожи куртку с двумя рядами латунных пуговиц. – Не исключено, граф, что мне понадобится ваша помощь. Если живы останемся.

Минуты через три колонна двинулась. До Качи оставалось всего ничего – остались позади красные крыши Александрово-Михайловского хутора, идущий головным «Остин» проскочил поворот шоссе, и стали видны причалы для гидропланов, эллинги, палатки и длинные казармы Качинской школы.

А с грузовиков несло:

*Закрывают все буфеты,
Едут Крымские Кадеты!
Жура-жура-журавель,
Журавушка молодой!*

II

Из записок А. Митина.

«...никто не понимал, что делать дальше. В научной группе нарастали панические настроения. Устройство, предназначенное для передачи сигнала «Макееву»-ЦЕРНу вышло из строя. Правда, работали хрономаяки – но что толку, если искать их будут на других «мировых линиях»? Простейшая аналогия: костер, разведенный потерпевшими кораблекрушение, поможет им, корабль, посланный на розыски, появится в виду этого берега. Если же он отправится в другой океан – можно известить на дрова хоть все деревья острова, никто не увидит сигнального костра...

«Будем исходить из того, что путь домой закрыт, – подвел итог Куроедов. – Момент крайне сложный: врангелевцы покидают Крым, красные вот-вот займут Севастополь, Феодосию, Керчь. Идти в Константинополь? Немыслимо. Взять под контроль город и вступить в контакт с Фрунзе? Тогда шанс договориться есть. А потому, слушайте боевой приказ: морским пехотинцам занять позиции в порту и на подступах; командиру БЧ-4 (связь) организовать разведку с помощью БПЛА, а так же определить рабочие частоты штабных радиостанций и разобрататься с шифрами. Это будет запасным вариантом связи; послание для Фрунзе передадим по телеграфу, как только займем город.

Далее: создать группу для работы с местным населением. Задача – сбор информации, выявление тех, кого можно привлечь к сотрудничеству. Все, товарищи офицеры, задачи поставлены, за дело. Вас, Аркадий Анатольевич, попрошу задержаться...»

«...кроме шести установок РСЗО «Торнадо-Г», на «Можайске» имелось: пять бронетранспортеров БТР-82А, две САУ «Вена» 2С3, пять тяжелых «Тайфунов», столько же «Тигров», три грузовика «Урал» и три тактических багги, только- только поступивших на вооружение. БПК был перегружен сверх меры: багги и «Тигры», пришлось даже ставить на верхнюю палубу. Кроме того, на БДК разместились три сотни морских пехотинцев плюс отделение боевых пловцов.

Изначально план был прост: высадиться километрах в двадцати от Евпатории, ударить по неприятельскому лагерю РСЗО, после чего морпехи на броне навесят незваных гостей. А корабли тем временем поупражняются в стрельбе по надводным целям – артавтоматы и торпеды не оставят деревянным линкорам ни единого шанса.

Но то, что в 1854-м было бы «вундерваффе» в 1920-м смотрелось уже не столь убедительно. Да, несколько атак можно отбить. А дальше? У противника есть артиллерия, в том числе, и тяжелая; есть броневики и аэропланы; с моря подойдут канонерки Красного Флота. К РСЗО всего по десять боекомплектов; запасов патронов и снарядов тоже хватит ненадолго. Единственный местный ресурс – патроны 7,62*54 мм, но много ли навоюешь одними ПКМами? Так что хочешь – не хочешь, а с красными придется договариваться. А потому действовать надо осторожно, избегая прямого столкновения.»

«...выдвинули бронегруппы в сторону Бахчисарая, откуда подходили войска войск Фрунзе. Потом к Куроедову доставили генерала Стогова. Врангелевский начальник тыла числится у красных в перебежчиках, но что делать, если он один способен хоть что-то здесь организовать? Генерал (повеселевший при виде боевых машин, выползающих из чрева БДК), предложил раздать винтовки добровольцам из числа оставшихся в городе. Каперанг согласился – своими силами сложно будет взять под контроль хотя бы прилегающие к порту территории.

Оставался вопрос с большевистским подпольем. Информации на этот счет у «гостей» не было; сотрудники врангелевской контрразведки плывут к Босфору, архивы либо вывезены, либо уничтожены. Оставалось надеяться, что подпольщики тоже пребывают в недоумении...

Суматоха и неопределенность продолжались меньше суток, пока в наушниках радиста не зазвучали позывные «Адаманта». Осознав, что помощь все же пришла, Куроедов переговорил по радио с Кременецким, после чего отправил в штаб Фрунзе телеграмму следующего содержания:

«Извещаю командующего Южным фронтом, что попытка войти в Севастополь будет решительно пресечена имеющимися в моем распоряжении огневыми средствами.

Для демонстрации наших возможностей сегодня, в 19.20 будет нанесен ракетно-артиллерийский удар по участку местности, в виду Ваших позиций. Рекомендую отвести войска во избежание роковых случайностей.

Выражаю надежду, что Вы проявите благоразумие.

Капитан 1-го ранга Куроедов.»

III

Гидрокрейсер «Алмаз»

После визита Груздева в «доме отдыха» события понеслись вскачь. Офицеры разъехались: моряки – кто в Севастополь, где «Алмаз» поставили в сухой док, кто на военные корабли, осваивать незнакомую технику. Старшего офицера отправили к унтерам и нижним чинам, для которых устроили свой «дом отдыха», а Корнилович с авиаторами убыли в Ейск, которыми потомки оснащали авиагруппу «Алмаза».

Эссен хотел присоединиться к ним, но Андрей Митин был непреклонен: «Успеешь налетаться, Реймонд Федорыч, а сейчас есть дела поважнее». И увез в Москву, где в здании российской контрразведки заседало руководство Проекта.

Оказавшись в столице, фон Эссен обрадовался: наконец он увидит жизнь «потомков» изнутри, погуляет по знакомым улицам... Какое там! Совещания сменялись лекционными залами, за ними следовали классы военных училищ и полигоны. В том же темпе работали и остальные. Жора Корнилович как-то пожаловался, что врач пригрозил отстранить его от полетов, если не сбавит обороты.

А как их сбавишь, если каждый час, каждая минута были у авиаторов на счету? Вместо стареньких М-5 конструкции Григоровича, оставшихся в девятнадцатом веке, потомки пообещали им новую технику. Ознакомившись с невероятными боевыми самолетами XXI-го века, авиаторы поначалу размечтались о таких же – сверхдальних, сверхзвуковых, несущих вооружения больше, чем десяток германских цеппелинов, способных поразить любую цель, на любом расстоянии, при любой погоде.

Действительность, как водится, оказалась куда скромнее. Авиагруппу «Алмаза» оснастили подкосными одномоторными монопланами СМ-92 «Финист» в модификации, разработанной для российской погранслужбы. Конечно, легоньким поршневым самолетикам далеко было не то что до «сухих» и «МиГов», но даже до боевых машин Второй Мировой, но для своей задачи они подходили, как нельзя лучше. Необычайно мощный по меркам 1916-го года двигатель М-14 позволял разгоняться до 280-ти в час с радиусом действия в 600 км. На борт, кроме пилота и стрелка можно было взять еще 3–4 человека; вооружение в подвесном варианте составило 2 пулемета винтовочного калибра, пару контейнеров- «семерок» с НУРаи и две стокилограммовые бомбы. Вдобавок к этому, в дверцах салона можно было установить дополнительно один, а то и два ПКМ-а на турелях что превращало самолетика во вполне приличные «ганшипы», неплохо смотревшиеся бы где-нибудь над джунглями Центральной Африки или Латинской Америки. А скорость и приличная скороподъемность гарантировали им превосходство над любыми истребителями Великой Войны. «Финисты» могли, по выбору, оснащаться колесными или поплавковыми шасси, что позволяло действовать как с гидрокрейсера, так и с сухопутных аэродромов, возникни в этом необходимость.

«Алмаз» получил четыре таких машины – три, полностью готовые к работе, располагались в ангаре и на открытой летной палубе гидрокрейсера; четвертая же, в полуразобранном состоянии хранилась под палубой, в специально оборудованном ангаре-мастерской. Их освоение и стало ближайшей задачей эссеновских подчиненных.

Как-то, вечером, переключая каналы, Эссен наткнулся на репортаж о съемках «масштабного исторического фильма о подвигах русских моряков в годы Первой Мировой войны». И оставил бы это событие без внимания, если бы в кадре не мелькнула знакомая картинка: палуба «Алмаза», гидросамолеты со знакомыми опознавательными знаками и он сам, на мостике, в окружении алмазовцев. Все это преподносилось, как кадры со съемок.

Андрей Митин, к которому Эссен кинулся за разъяснениями, признал: верно, есть и съемки, и ролики, время от времени появляющиеся в Сети. Все это – часть компании дезинформации, связанной с появлением «попутчиков». Какие бы усилия не прикладывали «компетентные органы», сведения все равно просочатся, слишком много людей, так или иначе, задействовано в Проекте. А нелепые, порой бредовые, утечки как раз и играют роль информационной дымовой завесы, искажающей общую картину.

Но ведь фильм-то на самом деле снимают? – недоумевал Эссен. – А значит, его придется рано или поздно показать? На что Андрей предложил лейтенанту зайти в Интернет и поинтересоваться количеством незавершенных кинопроектов. И потом, кто сказал, что фильм не появится на экранах? На ялтинской киностудии соорудили фрагмент палубы «Алмаза»; крейсер во время ходовых испытаний будет тщательно отснят с разных ракурсов, а что лица у «офицеров» другие, так смена актеров на вторых ролях – обычное дело. Фильм уже активно обсуждают в соцсетях; есть официальный сайт и куча сообществ, где знатоки ядовито высказываются по адресу очередного киноляпа, поносят мосфильмовских халтурщиков, выдающих кривую самоделку за легендарный «Алмаз», обсуждают «неправильные» мундиры, засветившиеся в «материалах со съемочной площадки»...

В информационной реальности XXI-го века Эссен освоился быстро. Поначалу он отрывал по несколько часов ото сна, чтобы нырнуть во Всемирную паутину. Потом бросил – сколько можно ходить с чугунной головой и красными от недосыпа глазами? Взятся скачивать из Сети книги, справочники, все, что может пригодиться дома (ноутбук ему обещали оставить), но Андрей объяснил, что не стоит тратить на это время. Квалифицированные специалисты подготовят для его любые подборки, снабдят ссылками, поисковиками, закачают информацию на внешний диск. «Вы так легко делитесь с нами знаниями?» – спросил авиатор своего визави. «А что тут такого? – удивился тот. – В конце концов, мы втянули вас в эту историю, так что считайте это компенсацией за причиненное неудобство...»

И Митин и Рогачев объясняли: цель экспедиции – вернуть «Можайск» и «Помор», а что будет с этой «реальностью» дальше, это забота ее коренных обитателей. В том числе и алмазовцев, в распоряжении которых будет могучий рычаг, способный перевернуть историю – знания из будущего.

Что ж, «потомки» выполнили обещание и отправили «попутчиков» домой. А что биток после удара немного откатился назад – это не их вина. Недаром Груздев говорил, что им еще далеко до полного понимания Времени...

Часто зазвонила рында, ей вторили боцманские дудки. «Окончить малую приборку! Команде подготовиться к построению по сигналу «Большой сбор!» Эссен поправил фуражку и торопливо зашагал на корму. Да, они действительно привыкли к другому темпу жизни. Вот и Зарин не стал дожидаться, когда корабли придут в Севастополь и команда увидит заваленные брошенным при эвакуации имуществом пирсы, заглянет в глаза людям, оставленным на произвол судьбы. Лучше сразу объяснить, где и главное, *когда* они находятся. Тем более, усмехнулся про себя лейтенант, им не впервой сталкиваться с последствиями перемещений во времени.

Глава четвертая

I

Миноносец «Живой».

Ночь и половина следующего дня прошли в отчаянных попытках удержать миноносец носом к волне. Слабосильный «Херсонес» не справлялся, не выгробал против крепчайшего ветра. Караван ушел вперед, оставив их наедине с морем, низким осенним небом, дождем.

Качка выматывала душу. Глебовский, человек сугубо сухопутный, неожиданно оказался стоек к морской болезни. Остальные же – и казацкие офицеры и гражданские, до отказа заполнившие миноносец, мучились ужасно. В отсеках висел густой запах рвоты и немых человеческих тел; Адриан Никонович только сунулся туда, и ему сразу сделалось дурно. На палубе инженеру полегчало, не пришлось даже «травить за борт». Беженцы, жавшиеся к надстройкам в тщетных попытках укрыться от брызг и дождя, вполголоса ругались, сетовали на погоду, материли красных. Рассказывали о казачьем уряднике, который застрелился, не выдержав качки, тесноты, безнадёги. Адриан Никонович верил – в скитаниях по охваченному войной югу России он навидался и не такого.

Миноносец сносило к осту. Буксирный трос лопался уже раза три, и каждый раз с «Херсонеса» подавали новый. В последний раз вместо каната завели якорную цепь, но неудачно – «Живой» навалился на буксир, свернул набок форштвень и проделал в его борту изрядных размеров дыру, по счастью, выше ватерлинии. Боцман стервенел, матами разгоняя пассажиров, мешавших аварийной партии; кто-то заорал «Тонем!» и вспыхнула паника. В давке инженеру заехали локтем между лопаток и он, не взвидя света от боли, полетел с ног. Схватившись за какую-то трубу, он сумел подняться. Рядом хлопнул выстрел, закричали женщины, и чей-то голос проревел в рупор, перекрывая вой ветра: «Кто сойдет с места, застрелю!» Инженер, притиснутый к надстройке, совсем было упал духом, но тут его пальцы нащупали скобу трапа. Спасение! Глебовский судорожно вцепился в ледяной металл и полез вверх.

На круглой, с парусиновым ограждением площадке никого не было, лишь торчал в середине укутанный брезентом прожектор. Внизу колыхались головы в фуражках, папах, котелках, платках, шляпках, а дальше, за полосой вспененной воды, валяло с борта на борт несчастный «Херсонес». Адриан Никонович видел, как матроса разворачивавшего пластырь, смыло за борт. Его не спасали. И тут с мостика буксира засемафорил фонарь Ратьера.

Глебовский, как путеец, неплохо знал и телеграфный код Бодо и азбуку Морзе. «Не можем помочь, – писали с «Херсонеса», – принимаем в пробоину воду. Уходим на вест, спаси вас Бог...»

Над головой раздался треск, запахло грозовой свежестью. Глебовский поднял голову – в проволоках антенны мелькала бледно-лиловая искра. Радиотелеграф, сигнал SOS, как на «Титанике»?

Глупости. Кто сможет им помочь?

Обессиленный инженер уселся на рифленое железо. Саквояж он прижимал к груди – и как только удалось сохранить его в этой свалке! Ратьер продолжал торопливо мигать, а «Херсонес» уже удалялся. Сомнений нет, их покинули на произвол судьбы, на старом корабле с неисправными машинами в шторм, вблизи враждебного берега! Глебовский, чтобы не заорать от ужаса, вцепился в зубы в руку. Их бросили!

II

ПСКР «Адамант»

Призыв о помощи был получен меньше, чем через час после того, как была установлен связь с «Можайском». Когда в наушниках старшего лейтенанта Батукаева, заменившего на должности командира БЧ-4 Никиту Бабенко, запищал SOS, отряд уже повернул к норд-осту и миновал траверз Казачьей бухты.

Поймать, международный сигнал бедствия у берегов Крыма, охваченного Гражданской войной – это было, как минимум, необычно, но морская солидарность не позволяла оставить призыв без внимания. Сначала хотели поднять «Горизонт» (на «Адаманте, кроме легкого Ка-226 ТМ имелось два БПЛА), но порывы ветра зашкаливали за семь баллов – в таких условиях хрупкий беспилотник не имел ни единого шанса. Связались с Зариным. Он быстро сориентировался в ситуации и поддержал решение Кременецкого – «идем на вырубку!».

Корабли выполнили поворот «все вдруг» и направились к терпящему бедствие судну. По расчетам, до точки рандеву идти было часа три – волнение не позволяло дать «фулл спид» ни сторожевику, ни, тем более, старенькому, хоть и прошедшему "процедуры омоложения" крейсера.

Дали знать на «Можайск». Куроедов одобрил их решение и сообщил, что высылает «Помор»: «лишний корабль при спасательных работах не помешает, к тому же, в районе Евпатории замечена подводная лодка красных. Вряд ли они решатся атаковать в такую погоду, но мало ли? Осторожность еще никому не вредила, а средств ПЛО у вас нет...»

Андрей вышел на палубу. Дождь закончился, но ветер по-прежнему дул, холодный, порывистый. До семи баллов он, правда, не дотягивал – так, «свежий», не более того. Тяжелые, отливающие холодным блеском волны шумно дробились о борта сторожевика.

Значит, сигнал «SOS»? Андрей представлял, кто может звать на помощь, но, все же, не стал доверять памяти, а открыл ноутбук:

«Трагично сложилась судьба эскадренного миноносца «Живой», который шёл на буксире «Херсонеса». (...) Беспомощный из-за порчи машин миноносец был оставлен на милость стихии. Высланные корабли не смогли найти «Живого»; по-видимому, судно старой конструкции было повернуто поперёк волны и, не выдержав шторма, пошло ко дну...»¹

На миноносцах типа «Лейтенант Пушин» имелась искровая станция, но, видимо, на судах эвакуационного каравана было не до того, чтобы слушать эфир.

Что ж, теперь у них есть шанс на спасение. «Алмаз» – не хилый буксирный катерок и легко дотащит миноносец до Севастополя.

Вот только подводная лодка... Андрей неплохо изучил в свое время историю черноморского подплава и знал, что возле берегов Крыма может находиться только одна красная субмарина – АГ-23, ныне «имени тов. Троцкого». «В прошлый раз» ее поход закончился ничем, но тогда не лодке не попалось такой соблазнительной цели, как крейсер с поврежденным миноносцем на буксире. Погода улучшается, высота волны позволяет атаковать и в надводном положении и под перископом. Конечно, ничего у красных подводников не выйдет: хоть на «Адаманте» и нет противолодочных бомбометов и торпед с гидроакустическими головками, но гидролокатор имеется, так что ни о какой внезапности речи не идет. А скоро к отряду присоединится «Помор», который легко может разделаться хоть с десятком таких субмарин.

Так-то оно так, но неужели АГ-23, будущий «Шахтер», которому предстоит служба, аж до 42-го года, когда лодку с разобранными механизмами взорвут при оставлении Севастополя, погибнет от рук моряков-черноморцев XXI-го века?

¹ Бр. Ходаковские «Русский Исход».

Командир «Адаманта» сразу все понял. «Не волнуйтесь, Андрей Геннадьевич, постараемся избежать ненужных жертв. «Помор» предупрежден, уверен, обойдется без пальбы...»

Ну, дай-то Бог, подумал Андрей, поднимая воротник куртки. Не хватало еще убивать тех, кем он восхищался в юности – революционных матросов, героев Гражданской войны. В том числе – и командира АГ-23.

Энтузиаст-подводник, в Красном Флоте с 17-го года. В РККФ будет занимать разные командные должности, но адмиралом не станет: в 38-м его уволят в запас и арестуют. Александр Алексеевич Иконников умрет в лагере в 42-м.

Но что делать, если этот герой собирается со всем революционным пылом вкатить им под мидель торпеду?

III

Подводная лодка

«Имени тов. Троцкого».

– Наглецов надо учить, – проворчал Иконников. – Война им не война, вишь ты!

Лодка «Имени тов. Троцкого» держалась в стороне от каравана беляков, милях в полутора – двух. В предутреннем сумраке красвоенморы ясно видели три корабля: самый большой, освещенный, как рождественская елка, шел впереди, волоча на буксире угольный миноносец. Узлах на восьми идут, прикинул Иконников. Лодка под водой могла дать и десять, но он никогда не пробовал выжать из электромоторов паспортные обороты. Да это сейчас и не нужно: сумрак, туман, можно рассчитывать на внезапную атаку.

Третий корабль, с надстройкой неуместного в военное время ярко-белого цвета, держался в стороне и позади. Его пока можно не брать его в расчет...

– Приготовить первую и вторую трубы! – скомандовал Иконников. Пожалуй, надо погрузиться до позиционного положения, чтобы из воды торчала только рубка. Он знал об этом приеме, применяемом кайзеровскими подводниками для ночных атак, и даже опробовал его на учениях. Тогда команды судов Каркинитского отряда, противостоявшего субмарине, не заметили опасности, и если бы начальство со страху перед подводной угрозой не загнало корабли на мелководье, лодка записала бы на свой счет два, а то и три успешных выхода в атаку.

Но сегодня не учения. Сегодня все взаправду.

Комиссар опустил бинокль.

– Александр Лексеич, они вроде, быстрее пошли? Вот болваны, даже огней не погасили!

Иконников кивнул. Даром, что крыса сухопутная, а разглядел: у форштевня головного корабля вырос ходовой бурун.

– Если промажем, второй раз выстрелить не получится. – заметил комиссар.

– Второй раз стрелять будет нечем. – сухо ответил Иконников. – Запасных торпед нет, а вытаскивать из третьего и четвертого, да перезаряжать – такой фокус быстро не проделать. Малеев, давай дистанцию до головного, уснул, что ль? – крикнул он матросу, приникшему к переносному дальномеру.

– Шишнадцать кабельтовых, тютелька в тютельку!

– Вот и руби каждые пятнадцать секунд! – буркнул Иконников и наклонился над люком.

– Водяницкий, слышишь, что ль? Становись сам к клапанам затопления. Как скомандую – отдраивай и будь готов опять запирачь. Понял?

Из люка отозвались в том смысле, что не маленькие мол, сами все понимаем.

– Будем нырять? – с беспокойством спросил комиссар. – Но раз так, не следует ли нам...

– Я не собираюсь погружаться полностью. Волнения почти нет, даже галифе не замочите! Сблизимся до семи кабельтовых, выстрелим, ныряем, и прочь, на малых оборотах. Ежели

обнаружат – могила: либо артиллерией размолотят, либо форштевнем надвое развалят! Как торпеды выйдут – сразу в люк. Замешкаетесь, будете рыб кормить!

Ярчайший свет наотмашь хлестанул по глазам. Безжалостный луч впился в лодку, и не было никакой возможности посмотреть, откуда он исходит – световой поток грозил выжечь сетчатку и пронзить мозг. Иконников подавил в себе желание присесть на корточки, чтобы спрятаться от этого пронизывающего насквозь света. Прожектор бил с другой стороны – оттуда, где не должно было быть никого, кроме моря и облаков. Подкрался эсминец, сопровождавший конвой? Но как они разглядели лодку в темноте?

Сипло матерился матрос у дальномера; комиссар отшатнулся, загораживая руками лицо. Иконников успел разглядеть, как с кормовой палубы третьего корабля взмыла и пошла к ним какая-то тень...

– Попались, командир! – прохрипел из люка, Водяницкий. – Теперь не уйти, беляки нас спеленают, как малых дитёв!

Иконников обреченно кивнул. Зажатые с двух сторон, в лучах прожекторов они беспомощны.

В рукав вцепились чьи-то пальцы. Комиссар.

– Товарищ, надо готовить лодку к взрыву! Я лично могу... нельзя сдавать врагам корабль, носящий имя товарища Тро...

Имя вождя революции заглушил гулкий рокот. Сверху ударил еще один луч, и все звуки потонули в голосе такой громкости, что барабанные перепонки казалось, смыкались где-то посредине черепа.

– Товарищи краснофлотцы! Во избежание бессмысленных жертв, предлагаем не оказывать сопротивления, лечь в дрейф и принять десантную партию. Товарищ Иконников! Мы обращаемся к вам, как к честному офицеру и русскому моряку! Не надо губить вверенных вам людей! Подумайте об их матерях, женах, детях! Гарантируем всем неприкосновенность. По прибытии в Севастополь вы сможете идти, куда пожелаете, никто не будет вас удерживать! Товарищ Иконников! Мы обращаемся к вам, как к честному офицеру и русскому моряку! Не надо губить вверенных вам...

– Ах ты, контра! – прошипел комиссар. – Дружки твои явились? А ну, говори, за сколько продал лодку? За сколько Республику продал, гад?

Пальцы его зацарапали по лакированной крышке маузера. Иконников смотрел на них – длинные, с обкусанными ногтями, испачканные фиолетовыми чернилами, пальцы студента или гимназиста, – и не мог понять, почему он слышит каждое слово комиссара сквозь этот трубный глас и рокот?

«Браунинг» хлопнул, затворная рама отскочила, выбрасывая гильзу. Комиссар, так и не успевший вытащить оружие, ничком повалился на железный настил. Иконников покосился на Малеева – тот замер, с остекленевшими глазами, из уголка рта тянулась, блестя в свете прожектора, нитка слюны, – и стал запихивать пистолет за отворот кожанки.

– Боцман, свистать всех наверх! – И, уже для себя, тихо добавил:

– Сдаемся...

Но флага он не спустит! Пусть врангелевцы забирают лодку, сегодня их сила, но такого удовольствия он им не доставит.

IV

ПСКР «Адамант»

Вот наши «попутчики» и получили доказательства. Одно дело – услышать по радио, что вместо 1916-го года на дворе 20-й, и совсем другое – своими глазами увидеть корабль с беженцами из Белого Крыма. А еще эта субмарина, подкараулившая их на траверзе мыса Херсонес...

Как удивился ее командир, Иконников когда «беляки», поднявшись на борт, не стали никого расстреливать и даже не сорвали красный флаг! Вон он, и сейчас трепещет на ветру... А вот что делать теперь с краскомом – это вопрос; перед тем, как сдаться, тот застрелил комиссара, порывавшегося то ли взорвать лодку на воздух, то ли шлепнуть Иконникова за измену. Остаться в Севастополе ему нельзя – поставят к стенке, как предателя и заведомую контру. Если сам раньше не пустит себе пулю в висок...

И что, забирать его в XXI-й век? Задача. Есть, впрочем, и другая, посерьезнее: как примирить Зарина, Эссена, Корниловича, остальных алмазовцев с тем, что 1916-й год потерян для них навсегда?

Терпящий бедствие миноносец отыскали примерно за час до полуночи. «Живого», дрейфующего с неисправными машинами, развернуло лагом к волне. Захлестываемый пенными гребнями, корабль принимал воду через незадраенные отверстия. Что творилось на забитой беженцами палубе, даже подумать страшно – никто не узнает, сколько народу сгнуло за бортом той штормовой ночью. Вдобавок к прочим бедам, залило отсек динамо-машин, встали водоотливные помпы. Пришлось вылить с «Адаманта» за борт сотни полторы литров соляра, чтобы хоть немного сгладить волнение и подать на миноносец буксирный конец.

Ко второй склянке распогодилось. Кременецкий, принявший командование отрядом, скомандовал «стоп машины». «Алмаз» сошвартовался с «Живым» бортами; на просторную палубу приняли сотни полторы беженцев – гражданских, офицерских семей, измученных теснотой, качкой, угрозой близкой смерти. Вслед за ними на борт поднялся командир «Живого», капитан 2-го ранга Кисловский. Зарин наскоро переговорил с гостем. Они был знаком с ним еще по 16-му году, им даже приходилось взаимодействовать: раз или два миноносец сопровождал «Алмаз», а однажды разыскал и привел приводнившийся гидроплан.

Кисловский, узнавший «Алмаз», несмотря на перемены в облике, был потрясен – для него гидрокрейсер вместе с «Заветным» сгнули в феврале 16-го года, во время набега на Зонгулдак. Происшествие списывали на германскую субмарину, вроде бы замеченную в том районе. И вот – на тебе, появились, да как вовремя!

Значит, моряки давно числятся погибшими, дома их не ждут. Да и где тот дом? Революция, гражданская война, интервенция – найти близких, семьи в такой каше нечего и мечтать! Разве что повезет, кто-то остался в Севастополе, не уехал в эмиграцию? Тогда есть еще надежда...

Андрей застегнул доверху молнию куртки и пошел на мостик. Непросто перебираться с корабля на корабль на ходу, но чем скорее он окажется на «Алмазе», тем лучше.

V

Гидрокрейсер «Алмаз»

Залитая электрическим светом палуба успокоительно дрожала под ногами – крейсер шел вперед на полных оборотах машин. Адриан Никонович сидел на каком-то ящике, привалившись спиной к надстройке, и наслаждался чувством безопасности и тепла. С головы до ног его укутывала тонкая пленка, скользкая на ощупь, с одной стороны сверкающая серебром, а с другой – золотом. Запечатанный пакет с этой пленкой ему вручили прямо у трапа. Вежливый матрос в непривычной форме показал, как вскрывать упаковку и убедил закутаться в серебряно-золотую невесомую... клеенку? Станиоль? Французский целлофан? Глебовский никогда не видел ничего подобного. Поначалу он отказывался (зачем, ведь дождя уже нет?), но вскоре понял, что эта накидка – вовсе не дождевик. Удивительная пленка согрела его, несмотря на промокшую насквозь одежду.

Другой матрос сунул инженеру целлулоидную бутылочку с водой и еще одну запечатанную упаковку, на этот раз темно-зеленого цвета. Улыбнулся, ободряюще похлопал по плечу и

направился по своим делам. Глебовский осмотрел упаковку, попытался надорвать уголок, но неведомый материал не поддавался. чрезвычайно прочным. Он уж собирался пустить в ход зубы, но вовремя заметил на обратной стороне надпись: "потянуть здесь, разорвать, вынуть"... Он был так измучен, что не сразу сообразил, что она сделана в стиле, принятом у большевиков: без ятей и твердых знаков на концах слов.

Но Адриану Никоновичу было не до грамматических выдумок Совдепии. Он мигом сжевал три галеты, вскрыл крошечную баночку с паштетом (для этого пришлось потянуть за жестяное кольцо, приклепанное к крышке), запил съеденное водой из бутылочки и развернул плитку шоколада. Жизнь определенно налаживалась.

Глава пятая

I

Симферополь.

Штаб Южного Фронта

Главнокомандующему

вооруженными силами юга России генералу Врангелю.

Ввиду явной бесполезности дальнейшего сопротивления ваших войск, грозящего лишь пролитием лишних потоков крови, предлагаю вам сдаться. Революционный военный совет армий Южного фронта на основании полномочий, предоставленных ему центральной Советской властью, гарантирует сдающимся полное прощение. Всем нежелающим остаться в социалистической России будет дана возможность выезда за границу при условии отказа на честном слове от борьбы против Советской власти.

Моральная ответственность за последствия в случае отклонения предложения, падет на вас.

Командующий Южным фронтом

Михаил Фрунзе.

Ст. Мелитополь

11 ноября 24 часа.

КомЮжфронта еще раз перечитал обращение. Все было оговорено: Врангель уходит из Крыма вместе с армией, которую иначе пришлось бы добивать ценой большой крови. Будто, мало ее пролито на Турецком валу! Города, склады армейского имущества и огнеприпасов, автомобили, броневики, пушки, даже аэропланы, – все достается Красной армии. Это обещал адмирал Дюмениль, который вел переговоры от имени Врангеля. Высокомерный француз (еще бы не быть высокомерным с эскадрой за спиной!) выторговал для беляков несколько лишних дней для погрузки на суда и заодно, обеспечил комюжу поток гневных депеш из Москвы.

Ленин узнал о переговорах почти сразу – постарались партийцы и сотрудники ЧК, состоящие при штабе Южфронта. Уже на следующий день из Москвы прилетела телеграмма пред-Совнаркома – шифром, копия тов. Троцкому:

«Только что узнал о Вашем предложении Врангелю сдаться. Крайне удивлен непомерной уступчивостью условий. Если противник не примет эти условия, нельзя больше повторять их и нужно расправиться беспощадно».

Грозный тон послания не произвел на комюжу особого впечатления. У беляков осталось два дня; пока будет разработан новый оперативный план, пока войска придут в движение – птичка упорхнет из клетки. Тем более, что Врангель пока все выполнял в точности: из Керчи, Феодосии, Евпатории и Севастополя доносили, что погрузка на суда идет бешеными темпами. На 15-е войска должны войти в Севастополь, на следующий день занять Керчь. И все, можно слать в Москву заготовленную телеграмму:

«Сегодня нашей конницей взята Керчь. Южный фронт ликвидирован.

Фрунзе.»

И вот – сюрприз! Конница Буденного, подступавшая к Севастополю со стороны Бахчисарая, неожиданно натолкнулись на неприятеля. Командарм сам расспрашивал комполка, чьи разъезды вошли в соприкосновение с белыми. Оказалось, дорогу им преградили броне-

вики и «таньки» – так в Красной Армии еще с 18-го, с боев с Юденичем, называли танки. А пехота беляков, судя по плотности огня, была поголовно вооруженная ружьями-пулеметами. При этом, потерь передовой эскадрон, считай, не понес: трое пропавших без вести, десяток раненых не в счет.

Пулеметчики прочертили очередями в пыли черту, за которую не следует переступать, за которой – смерть. Ослушаться рискнул только комэск да двое отчаянных сорвиголов: прищипорили коней, шашки наголо, наганы, даешь! Остальные замешкались, а когда опомнились, было поздно: между ними и смельчаками выросли кусты белого, непроницаемо-плотного дыма. В дыму загрохотали очереди, завывла, леденя кровь, сирена, и навстречу выкатилась пятнистая туша. Незнакомая машина, повела туда-сюда тонким стволом и перед кавалеристами встала новая стена дымных разрывов.

Скакать, очертя голову в дым, навстречу броневикам и пулеметам, не хотел никто. Война, считай, закончена, неохота помирать вот так, за здорово живешь, когда вот-вот наступит то самое светлое «завтра», за которое воевали три года!

Комполка не решился атаковать невиданного противника и скомандовал отход, ожидая части 51-й дивизии. В итоге, наступление застопорилось: Керчь вот- вот падет, Севастополь, который следовало занять еще утром, все еще в руках врангелевцев, а комож вынужден читать наглое послание никому не известного капитана первого ранга.

И как все это прикажете понимать?

За окном по улице клубилась пыль. Сотни ног в солдатских ботинках с обмотками, в разбитых сапогах, мелькают опорки, бессарабские чувяки, татарские кожаные туфли – войска поизносились за время наступления. Озорная песня, сочиненная еще в восемнадцатом, распугивала кур, воробьев, взлетала к серенькому небу:

*Танька козырем ходила,
Пыль по улице мела,
Страх на Ваньку наводила,
Форсовитая была!*

Белобрысые мальчишки стайкой неслись за красноармейцами, суровые казачки неодобрительно глядели из-за плетней. Брехала вслед кудлатая собачонка.

*"Ванька, глянь-ка: танька, танька!.."
"Эх ты, дуй ее наскрозь!"
Как пальнет по таньке Ванька, —
Танька, глядь, колеса врозь!*

Теперь не восемнадцатый год, красноармейцы не разбегаются, увидав, как из клубов пыли выползает клепаное чудище, смердящее бензиновым перегаром. И все же, действовать надо осторожно. Броневики, танки, дым... неужели белые пустили в ход ядовитые газы? Но ведь потерь почти нет...

Нет, сперва надо прояснить обстановку. Незачем класть людей в лобовых атаках: выждать, подтянуть пушечные броневики, артиллерию и вот тогда...

А Севастополь пусть процупают махновцы из бригады Каретника, Разгромив у Ишуна корпуса Барбовича, они двинулись на Евпаторию и могут угрожать Севастополю на приморском направлении. А напорются на заслоны этих непонятных беляков – что ж, тем лучше. Троцкий не раз говорил, что с армией Махно надо покончить, пока они в Крыму, как в бутылке с заткнутым горлышком. Заодно, будет, что ответить предСовнаркома, когда тот снова требует «решительных и безжалостных действий.»

Пехота прошла, протарахтели полевые кухни и санитарные двуколки. Пыль медленно оседала вдоль улицы, и лишь издали еще доносилась веселая песня:

*Унести лишь ноги рады.
Красный, знай-ка, напирай,
Таньки, пушки и снаряды —
Все у белых забирай!²*

Через час в сторону Евпатории вылетел связной «Фарман». На нем в штаб Каретника отправился приказ комЮжфронта:

«Завтра нашей конницей будет занята Керчь. Для ликвидации Южного фронта надо взять Севастополь. Командующий Южным фронтом приказывает товарищу Каретнику силами вверенной ему бригады ликвидировать этот последний оплот контрреволюции. Фрунзе.»

II

Севастополь.

Карантинная улица

«С приходом армии в Крым чрезвычайно усилилась работа большевистских агентов.» — писал в своих воспоминаниях барон Врангель. Верно, в 20-м Центральный Комитет РКП(Б) выделил средства для организации политической работы в тылу врага. В Крым отправилось немало проверенных товарищей для налаживания деятельности подполья.

Одним из них стал Петр Макарьев (партийный псевдоним «Евгений»). Он примкнул к большевикам 20-го февраля, за пять дней до отречения царя. Дальше был Октябрь, служба в ЧК и наконец — личное распоряжение начальника Особого Отдела ВЧК Кедрова, согласно которому «товарищ Евгений» направлялся для Гамарника, подпольную работу в Крыму.

Большевистское подполье переживало тяжелые времена. По полуострову прокатилась волна арестов; в Севастополе уцелело лишь три ячейки, и одна из них в порту, и Макарьева переправили туда — восстанавливать организацию. Германская война, революции, мобилизации, смуты произвели среди мастерового люда катастрофические опустошения. Макарьева взяли без расспросов, только работай! И он работал, да так, что начальник механического участка, нарадоваться не мог на толкового подчиненного. А «товарищ Евгений» тем временем укреплял связи между ячейками, привлекал к работе новых товарищей, налаживал сообщение с «центром». К октябрю 20-го подполье крепко встало на ноги, и собиралось встречать войска Фрунзе, хлынувшие в Крым через прорванные укрепления Турецкого вала.

И вот, только проводили последние транспорта с войсками, только собрались брать власть — на тебе, сюрприз! Два корабля под Андреевскими флагами, солдаты в непривычных, пятнистой, как лягушачья кожа, амуниции... Митяй, до ночи проторчавший в порту, принес тревожные новости.

— Как это — броневики выгружают? — недоумевал дядя Жора. — Наши, портовые еще третьего дня порвали зубчатые передачи у кранов! Инженер *a* с беляками сбёгли, не может того быть, чтобы они краны так скоро починили!

Подпольная ячейка заседала на конспиративной квартире по Карантинной улице, на квартире рабочего, клепальщика из паровозного депо.

---

² Демьян Бедный. «Танька-Ванька», 1919 год.

– А на кой ляд им ваши краны? – уныло отзывался Митяй. – Ихняя посудина к берегу приткнулась, нос у ей надвое раскрылся, как ворота, – вот ей-ей, не брешу! – и оттуда как попрет! Броневики, две таньки – вместо колес ленты стальные, на каждой башня, круглая, плоская, пушка торчит. Дли-ин-нья! И еще грузовики, агромадные, на шести колесах, сверху хренотень какая-то под брезентами. А солдаты – в жисть не видал таких! Каски как кочны капустные, лица тряпками затянуты, только дырья для глаз. Очки на лбу вот такие, с ладонь, винтовки непонятные, и не винтовки это вовсе! Оцепили свои машины, никого не подпускают – и все, без матюгов, без зуботычин! Вежливо так подтолкнут, а у самих глаза лю-у-тыя, не приведи бог заспорить с таким! У каждого ножик на груди висит, кобур с леворвертом, кармашки повсюду нацеплены. Взглянешь на такого – душа в пятки уходит!

– Ты, Митяй, прекращай панику! – построжел Макарьев. – Не большевистское это дело. Броневииков много насчитал?

– С десяток. Оне дюже разные – которые с четырьмя колесьями, а которые и с восьмью. Колесья – в мой рост! На одном коробка, навроде рупоров, в какие команды подают. Как заорали – я чуть не оглох, до сих пор в ушах звенит!

– А что орали-то? – поинтересовался дядя Жора.

– Шас... – Митяй наморщился. – Во: «жители Севастополя! Во избежание и-ци- дентов, просьба не приближаться к боевым машинам ближе, чем на десять шагов. По нарушителям будет открыт огонь на поражение». И так – без перерыва! Товарищ Евгений, а что такое и-ци-дент?

– Это когда тебя, балабола, пристрелят ненароком, а потом прощения попросят – не хотели, мол! – объяснил дядя Жора.

Макарьев поморщился.

– И что, стреляли?

– С чего? Дураков не нашлось к ним лезть...

– А солдат много? – спросил Макарьев.

– Да не то, чтобы очень. Может, с полсотни. Мабуть, остальные на пароходе этом, с воротами.

– Это судно особое, для десанта. – снисходительно объяснил дядя Жора. – Чтобы, значит, на берег войска доставлять. В Николаеве строили такие, “Эльпидифоры”, правда, без ворот в носу, со сходнями.

– Так, отставить воспоминания! – перебил старика-слесаря Макарьев. – Надо сообщить в штаб Южфронта, что белые получили подкрепления. Собирайся, Митрий, ты и пойдешь.

– Да я же... – опешил парень. – Как же я из города? У меня здесь мамка с сеструхой, и...

– Ты что, не подчиняешься решению ячейки?

За окном раздалось фырканье мотора, собачий лай. Макарьев отпрянул к стене, опрокидывая табурет – в руке у него блеснул «Браунинг». Механический звук приближался. Подпольщик чуть-чуть отодвинул в сторону занавеску из ситчика в голубой цветочек. По улочке, поднимая клубы пыли, катил автомобиль странного вида – собранный из гнутых труб, на широченных рубчатых колесах, опирающихся на пружинные рессоры. Стекол в кабине не было, за рулем сидел один из тех солдат, которых описывал Митяй. Второй высовывался сверху, держась за рукоятки большого пулемета. Лица обоих скрывались за огромными, в пол-лица, очками-консервами. Задняя часть машины вся увешана коробьями с ручками и перетянутыми ремнями тюками; над ними колыхался высоченный, суставчатый, будто бамбуковая удочка, черный прут. На нем трепетал по ветру трехцветный флажок.

Макарьев сплюнул и задвинул занавеску.

– Ну, чего переполошились? Не за нами...

Подпольщики повскакивали с мест и стояли в напряженных позах с наганями в руках. Непоседливый Митяй извлек откуда-то ручную бомбу системы Рдултовского, похожую на

квадратную жестянку из-под консервов. Обшарпанный железный корпус бомбы обильно пятнала ржавчина.

«Интересно, а она взорвется, если сорвать кольцо?» Макарьев нарочито откашлялся и принялся засовывать пистолет за пояс.

– Вот так, товарищи, сами видите. Беяки никуда уходить не собираются. Дядь Жора, сколько бойцов мы сможем собрать к утру?

Совещание затянулось за полночь. Митяй все время мялся, поглядывая на Макарьева, но тот обратился к нему, только когда разошлись остальные – по одному, как требовали правила конспирации.

– Тут такое дело, товарищ Евгений, прямо и не знаю, как сказать. Беяки-то эти друг к другу обращались по-нашему!

– Как это, «по-нашему»? – не понял чекист. – По-русски что ли? Так по-каковски им еще говорить, голова садовая?

– Да я ж не о языке балакаю! Оне, когда обращаются по форме, говорят: «товарищ лейтенант», да «товарищ прапорщик»! Это же где такое видано: лейтенант – и товарищ!

– Ты, может, ослышался? Сам говорил: рупоры орал, могло и примерещиться?

– Не, я близко стоял! Так и говорил: «Товарищ лейтенант!» А у самого на рукаве нашлепка деникинская, только черепа с мечами не хватает, как у ударников!

Макарьев задумался.

– Ты, вот что, Митяй, ты пока никому не говори. Надо разобраться, что за «товарищи» к нам приплыли...

– Я-то не скажу. – пожал плечами парень. – Только они и так узнают. Я ведь не один там стоял! Вот увидите, к утру пойдут разговоры об этих «господах-товарищах».

III

Крым, Альма

Первую атаку отбили легко. Рота заняла позиции на южном берегу Альмы напротив брода. Один взвод с «Остином» комроты отправил на правый фланг, к перекрестку с проселком, ведущим к татарской деревне Улуккул-Аклес. Махновцы подходили нестройными колоннами, весело и бойко, оглашая окрестности протяжными селянскими песнями. Черное знамя плескалось в голове строя, за ним катились десятка два повозок на рессорном ходу. В бинокль были видны стоящие на них пулеметы. Тачанки. Те самые, что пять дней назад выкосили кавалеристов Барбовича.

Похоже, махновцы и помыслить не могли, что кто-то посмеет загородить им дорогу. Штабс-капитан Рукавишников приказал подпустить наглцов поближе и встретил огнем семи пулеметов с убийственной дистанции в две сотни шагов. Передовые сотни легли все; тачанки разворачивались, опрокидывались, рвались прочь из-под секущего свинца, огрызались длинными очередями, прикрывая откатывающиеся эскадроны. А когда во фланг избиваемого авангарда выкатился михеевский «Ланчестер», начался разгром.

К полудню отбили еще три атаки. Северный берег сплошь был усеян конскими и людскими телами; со стороны Улуккул-Аклес доносилась частая стрельба – «украинские повстанцы», сунувшиеся в обход, напоролась на «Остин». В кожухах «Максимов» закипала вода, Адашев расстрелял уже пятую ленту к «гочкису». Спасибо, патронов взяли с запасом; в перерывах между атаками юнкера торопливо набивали ленты и рубчатые «тарелки» «люсек».

Михеев вылез из броневика. Оливковая краска вся в свежих царапинах, броня кое-где вмялась под ударами пуль. Хорошо, подумал юнкер, что у этих скотов не нашлось патронов со специальными бронебойными пулями, а то бы пришлось плохо. Если тачанки окружают машину – все, могила, порубят жестяную броню очередями в упор. «Ланчестер» – это вам не «Остин»

с двумя пулеметными башнями, способный огрызаться очередями во все стороны. А «Максимы» на штатных лафетах – не наскоро прикрученный проволокой «Гочкис»...

– Михеев!

К броневнику ковылял, опираясь на винтовку, командир роты. Пуля попала в бедро, но пуля, по счастью, прошла навывлет, не задев кость. Другим повезло меньше: в мазанке стонали раненые, под стеной в рядок лежали мертвецы. На груди у каждого – фуражка с вензелем 1-го Киевского Константиновского военного училища.

Штабс-капитан дохромал до броневика.

– Михеев, ты у нас лучший водитель. С НП доносят: махновцы подтягивают на телегах пехоту, с ними то ли две, то ли три трехдюймовки. Накроют тут нас шрапнелями... В-общем, сдавай броневик Овечкину, бери «Фиат» и дуй в город. Я велю погрузить раненых в кузов, сдадите в госпиталь. Хотя, какой сейчас госпиталь... Главное, найди генерала Стогова и передай: долго мы не продержимся! Будем отходить к окраине села, попробуем зацепиться. Но все равно, к утру, самое позднее, нас сомнут и двинутся на город. Так что, Михеев, гони, как черт, на тебя вся надежда!

IV

Севастополь

Район ж\д вокзала

«Чума забери этих беляков! – бормотал на ходу Митяй. – Разъездились, понимаешь! Ничего, товарищ Фрунзе покажет вам кузькину мать и крах мировой буржуазии!»

Впрочем, опасность не так уж велика: пятнистых машин, колесивших по центральным улицам, совсем мало. Незваные гости наверняка не знают города, а Митяй, вырос в Севастополе и прожил здесь всю жизнь. Ему незачем выбираться на улицы – можно пробраться переулками, обойти Четвертый бастион, миновать вокзал, потом Татарской слободкой, мимо казарм Брестского полка, через Ушакову балку и дальше, на Инкерман. И все, ищи его, свищи – позаимствует у дяди Игната мерина и рысцой до Бахчисарая! А если все же остановят – вот он, наган, выданный товарищем Евгением, оттягивает пояс. Пусть попробуют! Он им даст бой, не посмотрит на пятнистые «жабы» мундиры!

Митяй рассуждал верно – морские пехотинцы с «Можайска» не знали города, а потому ограничились тем, что взяли под контроль главные объекты, в том числе и вокзал. Туда подогнали БТР с отделением морпехов и два десятка «местных» с винтовками. Их лейтенант расставил вокруг вокзала, своих же бойцов разбил на двойки и разместил в ключевых пунктах, в расчете на то, чтобы использовать, как группы быстрого реагирования. А сам стал гонять над переулками и подъездными путями дрон-квадрокоптер. И насторожился, увидев на мониторе человека, крадущегося в обход постов.

Услышав крик «добровольца»: «А ну стой, сволочь краснопузая!», Митяй рыбкой нырнул в кусты и сломя голову, кинулся прочь, на бегу вытаскивая из-за пазухи револьвер. И едва ли не нос к носу столкнулся с двойкой морпехов, выдвинувшихся ему наперерез.

Увидав массивные, увешанные непонятно чем фигуры, выросшие словно из-под земли, Митяй тонко, по-заячьи заверещал, наугад пальнул из нагана, метнулся назад. «Пятнистый» в два прыжка догнал беглеца и взмахнул прикладом. Жестокий удар между лопаток вышиб воздух из легких, швырнул лицом в пыль. судорожно хватал ртом воздух, царапал пальцами по земле, нашаривая оброненный револьвер, а «беляк» приподнял его, умело обыскал и извлек из-за подкладки картуза сложенный вчетверо листок – донесение подпольной ячейки РКП(б) в штаб ЮжФронта.

Глава шестая

I

Гидрокрейсер «Алмаз»

«Алмаз» лишился роскошных интерьеров – на бывшей яхте наместника Дальнего Востока воцарился, хоть и с опозданием, аскетический рационализм, присущий другим кораблям из состава Второй Тихоокеанской эскадры. Зарин за голову хватался, видя, что творят судоремонтники: на смену дубовым панелям, полированной бронзе и хрусталию приходили пластик, крашеная сталь, трубопроводы. Просторный салон, который мог сделать честь флагманскому дредноуту, приспособили под ангар. Знать бы еще, куда делась роскошная обстановка? Хорошо, если в музей или, скажем, в Дом офицеров – вполне могла, в извечно российском стиле, осесть на генеральской даче...

В ангаре держали разобранный на части резервный гидросамолет, только громоздкие поплавки оставались на палубе. В подволоке прорезали широкий люк, через который фюзеляж, плоскости и хвостовое оперение по отдельности подавали наверх.

Урезанная вдвое кают-компания с трудом вместила офицеров крейсера. Кондиционеры работали вовсю, без них не помогли бы и раскрытые настежь иллюминаторы.

Андрей устроился в углу. Алмазовцы собрались для беседы о своих, внутренних делах, но и у него есть чем их удивить. Если, конечно, дело дойдет до этой темы...

Старший офицер постучал костяшками пальцев по столу. Гул голосов стих, взоры, все до одного, обратились к командиру. Зарин откашлялся.

– Господа, мы оказались в непрестом положении. С одной стороны, мы дома. С другой – сами видите, что здесь творится. Мировая война закончена, Гражданская подходит к концу. Ни техника, ни знания, которыми нас снабдили, не помогут переломить ситуацию. Собственно, ее уже не переломить никакими силами... Считаю, для нас места в нынешней России нет – ни в государстве рабочих и крестьян (при этих словах каперанг скривился), ни в русской эмиграции.

Андрей покосился на Эссена. Тот сидел, неестественно выпрямившийся, бледный, лоб усеян капельками пота. Слова Зарина доставляли ему почти физическое страдание.

– ...через несколько дней красные войдут в Севастополь, и, если к тому времени мы еще будем здесь – ничего хорошего нас не ждет. Прошу высказываться, господа.

– Позвольте мне, господин капитан первого ранга?

Жора Корнилович. Отчаянный пилотага, политикой интересуется мало, зато души не чает в новых аппаратах. Как он мечтал встретиться на них с «Альбатросами» и «Фоккерами»!

– А почему, собственно, «ничего хорошего»? Большевики там, или нет – России понадобится военная авиация, а значит, и мы пригодимся!

– Вы, голуба, хоть бы раз заглянули на лекцию по истории! – отозвался второй механик «Алмаза», мичман Солодовников. – Знали бы, что нас ждет у большевиков. Лично у меня нет никакого желания становиться к стенке!

Ну, начинается, поморщился Андрей. Сколько уже говорено на эту тему и с Эссеном и с другими...

– Мне, пилоту, простительно манкировать всякой ерундистикой, – парировал Корнилович. – У меня и в гимназии по истории еле-еле «удовлетворительно» выходило. Но даже я в курсе, что многие офицеры ушли к Советам, а кое-кто и до маршала дослужился!

– Ну да, а потом попали в лагерь! – не сдавался механик. – Знаем, читали!

«Интересно, какая сволочь подсунула алмазовцам «Архипелаг ГуЛаг»? Вернемся – выясню и лично накажу...»

– А вы что предлагаете? – поинтересовался Корнилович. – Ну хорошо, уйдем мы за Врангелем. Думаете, господа союзники позволят употребить все то, что мы притащили из будущего, для победы Белого дела? Я с вас смеюсь, мичман, как говорят в Одессе!

– Жора прав! – вмешался Эссен. – Британцы и американцы преспокойно приберут нас к рукам и будут... как там в той книге, Андрей Владимирович?

– «Засадить разоблаченного чародея в каменный мешок и заставить изготавливать золото из собственного дерьма» – процитировал Стругацких Андрей. – Выжмут все, что можно, и наплевать, хотите вы того, или нет. Тут я согласен с Реймондом Федоровичем. Или хотите поспособствовать величию англосаксов? Так они и без вас отличнейше справляются.

– Но можно как-то скрыть, спрятать... – Солодовников нес давался. – В конце концов, мы не обязаны..!

Вместо ответа Корнилович обидно засмеялся.

– Вы, господа, все о технике с наукой, – заговорил Зарин. – а как же с нашими близкими? Некоторым удалось разыскать в Севастополе родственников. Вот вы, к примеру, кажется, сестру нашли?

Солодовников кивнул.

– И, конечно, не хотите оставлять ее красным. Мне кажется, господа, это следует учитывать!

Зарину тоже повезло: его жена и тринадцатилетний сын оказались в Севастополе. Да, жены и дети – весомый аргумент в пользу эмиграции.

Кстати, подумал Андрей, а ведь здесь одни офицеры. А остальные? Унтера, нижние чины – они что, безропотно отправятся, куда скажут? Ох, сомнительно... Никому и в голову не пришло позвать на совет представителей команды...

Эссен поднял руку.

– Прошу вас, Реймонд Федорыч, – кивнул Зарин.

– Есть еще один выход. «Потомки» скоро отправятся к себе, кто захочет – может попроситься с ними. Уверен, они не откажут.

«Что ж, разумно. Когда снаряжали эту экспедицию – четверо алмазовцев отказались нырять в кровавую кашу Мировой войны, предпочли остаться в XXI-м веке. Их обещали устроить, предложили интересную, хорошо оплачиваемую работу. Кажется, один из «отказников» устроился консультантом киностудии, где снимали тот самый фильм про моряков Первой мировой...

Может, найдутся еще желающие последовать их примеру?»

Вокруг зашумели. Андрей поднял руку и держал ее, пока Зарин кивком не позволил ему говорить.

– Есть и четвертый вариант, господа. Недавно у меня состоялся разговор с профессором Груздевым. Вот что он предлагает...

II

ПСКР «Алмаз»

Груздев снял очки и принялся протирать их носовым платком. Ему бы пенсне, подумал Андрей – с тонюсенькими золотыми ободками, высокой дужкой и черным шнурком с крошечным шариком на конце...

Интересно, в Севастополе можно раздобыть пенсне?

Груздев убрал платок и водрузил очки на место.

– Значит, они согласились?

– Да, Петр Михайлович. Почти сразу. Я даже удивился...

– А я – нет. Что собственно, им оставалось?

«А он повеселел. Будто добился чего-то, к чему упорно шел, и теперь пожинает плоды успеха...»

– Вы, похоже, рассчитывали на такой ответ? – осторожно поинтересовался он.

– Конечно, рассчитывал! Иначе, дорогой мой, и быть не могло!

– Но зачем вам это? Задание выполнено, день-два на настройку аппаратуры – и все, наши пути расходятся. Но нет, вы предлагаете вариант с переброской «Алмаза» в XIX век из-за неких якобы открывшихся возможностей! Вы раньше все уши нам прожужжали, как сложно настроить аппаратуру для Переноса – а сейчас, выходит, справитесь за считанные часы?

Груздев смотрел на собеседника, по-птичьему склонив голову к плечу. Да он забавляется, понял Андрей. Ошарашил собеседника – и наслаждается реакцией. Рогачев наверняка в курсе, и ни слова не сказал, поганец!

– Полагаете, я морочил вам голову, майор? – поинтересовался Груздев. – Что ж, вы отчасти правы. Но не стоит винить в этом меня или моего молодого коллегу. Вы ведь о нем сейчас подумали? Да-да, и не вздумайте отпираться!

«Неужели у меня все на лице написано? – с досадой подумал Андрей. – Тоже мне, чекист...»

– Все претензии к руководству вашей конторы, это оно настояло на подобном режиме секретности. Да, решение о продолжении экспедиции было принято еще в Москве, и я с самого начала предлагал привлечь к ней наших «попутчиков»!

– То есть вы это подстроили? "Клапштосс", отскок из шестнадцатого года в двадцатый? И все для того, чтобы алмазовцы присоединились к вам?

– К вам, молодой человек! – веско произнес профессор. – Я возвращаюсь домой на «Можайске», а вы на «Адаманте» последуете за «Алмазом», на этот счет есть решение. Научную группу экспедиции возглавит Рогачев, а я пока... о чем, бишь, мы говорили?

– О вашей якобы ошибке. О том, как вы подставили алмазовцев, чтобы вынудить их принять участие в экспедиции.

– Не говорите ерунды! «Подставили»! Мы не настолько овладели теорией Переноса. Ошибка на четыре года была, разумеется, случайностью, как и «эффект клапштосса». И, кстати, имейте в виду: Зарин прекрасно знал об этих планах!

А ведь верно, припомнил Андрей, то-то он не удивился, когда услышал о предложении Груздева...

– Планируя первую экспедицию, – продолжал профессор, – мы еще слишком мало знали. К примеру, я считал, что мы больше не сможем вернуться на ту «мировую линию». Позже я пересмотрел некоторые теоретические моменты и теперь уверен: пользуясь «следом», оставленным Переносами в ткани Мироздания, можно повторить попытку. Правда, долго этот след не продержится; он и сейчас почти истаял, и если бы не «отпечаток» в кристаллической решетке металла кораблей... вы ведь помните мои объяснения, не так ли?

Андрей нехотя кивнул.

– И учтите – нам надо не просто вернуться на ту «мировую линию», а крепко там обосноваться. Путешествие по «следу» Переноса – занятие рискованное; к тому же, такие скачки поглощают прорву энергии. А, установив на «той стороне» хроноаппаратуру, мы сможем сделать такие визиты регулярными!

– Но зачем, профессор? Мы же не собирались засиживаться в девятнадцатом веке! Мы хотели попасть в далекое будущее, для этого все и затевалось?

– Да конечная цель именно такова. Но, структура Реальности, как выяснилось, весьма упруга и может поглотить любые изменения, а значит, надо повторить вмешательство, сделать его последствия более заметными! Кроме того, если установить хотя бы временный канал, можно будет уточнить важнейшие аспекты хроно-теории. Это небольшая отсрочка, майор, но

она поможет сэкономить в дальнейшем массу усилий. Так что не переживайте, доберемся и до далекого будущего!

III

Гидрокрейсер «Алмаз»

В кают-компания повисла напряженная тишина. Мичман Корнилович в изумлении качал головой, Зарин, который заранее знал, о чем пойдет речь, склонился над столом и перебирал листы бумаги в пухлом бюваре. Через открытые иллюминаторы доносился ленивый плеск волн и голоса грузчиков с пирса.

Молчание нарушил Эссен:

– Как я понял, Андрей Геннадьевич, ваше начальство хочет, что мы снова отправились в гости к государю императору Николаю Первому? Туда, откуда мы убрались полгода назад?

– Время – понятие относительное. – улыбнулся Андрей. – Для нас, и правда, прошло полгода. Для команд «Можайска» и «Помора» – не более двух суток. А для ваших сослуживцев-черноморцев, с крейсера «Кагул», который сопровождал «Алмаз» в набеге на Зонгулдак, минуло почти пять лет. Так что я бы не рискнул гадать, сколько времени пройдет между нашим отбытием из XIX-го века и возвращением обратно. Груздев полагает, что немного, от силы год.

– Один раз он уже угадал. – буркнул Корнилович. – И вот, пожалте, где мы оказались!

– Не «где», а «когда». – поправил Андрей. – Я понимаю, мичман, к этому непросто привыкнуть. У меня самого ум за разум заходит, когда профессор принимается пичкать меня всеми этими «мировыми линиями», «синхронизацией временных потоков», «отклонениями от генеральной исторической последовательности» и прочей заумью.

Зарин захлопнул бювар и выпрямился.

– Что ж, господа, полагаю, этот вариант – наилучший для нас. Здесь нам в любом случае, делать нечего, что бы там не фантазировал Георгий Валерьянович (Корнилович насупился, но не стал возражать). Я за то, чтобы принять предложение. Мы оставили по себе в 1854-м себе добрую память, нас примут с радостью и дело для каждого найдется! Да, жизнь там не та, к которой мы привыкли, но это, я полагаю, не самое страшное.

Что-то уж очень легко каперанг одобрил нашу затею, подумал Андрей. Будто заранее знал...

– О чем вы говорите, Алексей Сергеич? – вскинулся Солодовников. – К чему это мы такому особому привыкли? Ну, нет трамваев, граммофонов, подумаешь! Зато войну мы для России выиграли – этого ведь не забудут, верно? Вон, и Красницкий с командой остался, и князьинька наш, и Марченко, и лейтенант Качинский. Наверное, с крестами ходят, пока мы тут болтаемся, как известная субстанция в проруби...

– Вы что же, любезнейший, за кресты старались? – сощурился Эссен. Солодовников немедленно ступешался.

– Нет, я... вы меня не так поняли, господа! Я к тому, что присяга, данная и Николаю Второму и Врангелю теперь недействительна, в значит, мы вольны принимать любое решение.

– А «Алмаз»? – высоким голосом выкрикнул Корнилович. – С ним-то что? По-вашему, подобрали, как бесхозную клячу: погоняй, правь, куда в голову взбредет? Хоть в лес по дрова, хоть на живодерню... в Бизерту?

Зарин поморщился: о Бизерте, где крейсер должен был сгнить вместе с остальными кораблями и судами Белого Флота, помнили все.

– «Алмаз» принадлежит к Российскому Императорскому Флоту, независимо от того, кто в данный момент на престоле. – жестко сказал Зарин. На его скулах заходили желваки. – А потому, господа, всякий, кто захочет, может остаться в составе команды и отправиться с нами. Но если кто-то примет иное решение – не вправе препятствовать.

– Только надо прихватить с собой кое-то отсюда... – после недолгой паузы произнес Корнилович. – На портовых складах и в арсеналах полно добра: снаряды, например, торпеды для «Заветного». Может, и винт запасной отыщется? Надо же починить старичка!

Поврежденный миноносец пришлось бросить в 1854-м. Вместе с ним остался почти весь экипаж, включая командира, старшего лейтенанта Краснопольского.

У Андрея будто гора свалилась с плеч.

«Получилось!»

– Все, что найдется из воинского имущества здесь, в Севастополе – в нашем распоряжении. – ответил Зарин. – Я, как старший морской начальник, даю на это разрешение. И, кстати, не стоит ограничиваться снарядами и торпедами. В порту немало кораблей, по большей части, с неисправными машинами. Вы, мичман, возьмите машинистов, боцмана и к вечеру составьте рапортичку – какие из этих лоханок можно вытянуть с рейда? Как я понял, Андрей Геннадьевич, необязательно, чтобы они могли дать ход?

– Верно, – подтвердил Митин. – лишь бы на воде держались. Воронка Переноса около ста сорока метров в диаметре, все, что попадет в нее, отправится вместе с «Алмазом».

Солодовников оживился:

– Мы много чего можем прихватить! Вон, на пирсе снарядные ящики штабелями. Там же орудия конно-горной батареи, тяжелые шнейдеровских мортиры, полевые трехдюймовки. С фортов можно снять старые восьмидюймовки, они вполне исправны, и снарядов к ним море. В пакгаузах – газойль, масло в бочках, пулеметы, винтовки, амуниция! Брошенных автомобилей в порту десятки, и легковые и грузовики и даже два американских трактора.

– А подводная лодка? – перебил старший офицер. – Та, что мы у красных взяли? Как, бишь, ее...?

– «Имени товарища Троцкого» – подсказал Эссен. – Это один из главных большевистских вождей. Насколько мне известно, редкостная сволочь.

– Пощадите, господа! – взмолился Зарин. Такие вопросы с кондачка, не решаются! Надо подумать, составить список того, что понадобится в первую очередь.

Андрей громко откашлялся. Зарин замолк на полуслове.

– По-моему, вы кое-что забыли. Я понимаю, винтовки, торпеды, трактора, опять же... Дело нужное. Но что с людьми делать? С теми, что не успели на последние пароходы? Добровольцы, которые нам помогают, гражданские, женщины, старики – все умоляют увезти их, куда угодно, лишь бы подальше от красных!

– Позвольте, Андрей Геннадьевич, но как мы им объясним... – заговорил Эссен. – Нельзя просто так, ничего не сказав, ни о чем не предупредив, утащить такую уйму народу лет в прошлое?

– Почему же, как раз можно. Погрузите на корабли, а уже потом, на той стороне, объясните, что к чему. Полагаю, недовольных будет немного – все лучше, чем оставаться с госпожой Землячкой. Вот о чем надо думать в первую очередь, Реймонд Федорыч! А винтовки и газойль никуда не денутся!

Дверь в кают-компанию распахнулась, на пороге возник кондуктор.

– Разрешите обратиться, вашсокородие? Возле трапа часовые задержали юнкера. Приехал на грузовике, шумит, требует начальство. Говорит – недалече, за городом ихних крепко бьют. Куды его?

Глава седьмая

I

Симферополь

Штаб ЮжФронта

– ...а как над головами завывало – мы чуть в портки не навалили от страха!

Фрунзе взял со стола лист бумаги.

– Врангелевцы предупреждали, что будут стрелять только по ничейной земле. Обманули, выходит?

– Да нет, товарищ комюж... – замаялся краском. – Я, как приказ получил, сразу своих отвел. А сам остался – дай, думаю, погляжу, что гады затеяли? Вот, значить, и посмотрел: снаряды ихние, которые ракеты, через нас перелетали и рвались аккурат там, где мы давеча с белыми встретились. Хвосты огненные в полнеба, дым, земля столбом... Я на германской повидал, как тяжелая артиллерия бьет – куды-ы-ы там!

– А самих беляков видели?

– А то как же? Выкатились на броневиках, сидят сверху, рыл по десять, стволы во все стороны. Нас увидали, смеются: «не бойсь, мол, товарищ, у нас перемирие!»

– Папиросками угощали, – добавил чернявый красноармеец, державшийся рядом с комэском. – Ваське, вон, шоколадку дали.

Фрунзе внимательно посмотрел на бойца.

– Шоколадку, говоришь, папироски? Значит, вы их вблизи рассмотрели?

– Как вас, товарищ комюж! Броневик подъехал, двое спрыгнули – и к нам, а остальные остались сидеть.

– И как тебе показались эти беляки?

Боец ответил не сразу.

– Какие-то они не такие, товарищ комюж! Рожи зеленым и сажей вымазаны, у других на мордах тряпки с дырками для глаз. Форма зеленая, в бурую крап, навроде конской гречки. На ремнях – под сумки, да мешочки, да кармашки.

Винтари такие... вроде «Мадсена», тока обойма не вверх, а вниз торчит, тоже гнутая. И говорят чудно.

– Верно! – поддакнул комэск. – Обычный беляк, ежели и скажет «товарищи», то эдак, с усмешечкой подленькой, с подначкой. А эти уважительно: "товарищ боец" да «товарищ красноармеец!»

– А один вовсе кулак поднял и говорит: "Да здравствует товарищ Сталин, вождь мирового пролетариата!" – добавил боец. – Мы аж рты поразевали.

– Сталин? – нахмурился высокий человек, весь затянутый в хромовую кожу. На боку у него болталась деревянная коробка с маузером. – Какой он вождь, коли товарищ Троцкий его позицию принципиально критикует? Или ты с линией ЦК несогласный?

– Да я шо, я нишо. Это ж беляк говорил, а они все гады...

Комэск, не глядя, ткнул локтем, боец поперхнулся. Хромовый сверлил его взглядом, пока боец бочком не убрался за спины соседей.

– Товарищ Сталин, значит... – повторил Фрунзе. – Ладно, можете быть свободны. Нач-связи, что у вас?

– Второй день молчок, товарищ Фрунзе. Провод на Джанкой перерезан.

– Эка невидаль – провод! Посылали телефонистов?

– Так точно, сразу! Очень основательная сволочь поработала: не в одном месте перебили, а сразу в десятке. И ладно бы просто перебили, а то целые куски сперли!

– Сперли, говорите? – удивился Фрунзе. – Так может, это не беляки, а местные татары озорничают? Телефонный провод в хозяйстве штука полезная...

– Мы тоже так подумали, товарищ комюж. Но потом телефонисты наскочили на мину – специально стояла, чтобы пришли чинить и зацепили!

– Вот как? – насторожился Фрунзе. – Мина? Много народу побило?

– То-то ж и оно, что нет! Странная какая-то мина: не взрывается, а фейерверки пускает! И так свистит, что телефонисты чуть не оглохли! Они до того перепугались, отказываются к проводу близко подходить!

– К стенке шкурников и трусов! – вскинулся человек в коже. – Раз приказано, не имеют полного права не исполнять! А кто отказался – тот есть враг и предатель!

Начсвязи покосился на говорившего. Евдокимов, зам. начальника Особого отдела Южного фронта. Участник октябрьских боев в Москве, большая шишка в столичной чрезвычайке, особо отличился при разгроме московского штаба Добровольческой армии. По слухам, сам ставил к стенке кадета Щепкина, генерала Соколова и других, арестованных по этому делу. Такому человека шлепнуть – плюнуть и растереть.

– Расстрелять недолго, товарищ. А где я потом телефонистов найду? Связь тянуть – это тебе не маузером размахивать!

Лицо чекиста пошло багровыми пятнами. Фрунзе, видя, что дело идет к перепалке, постучал по столу костяшками пальцев:

– Товарищ Евдокимов прав: дисциплина нужна! Теперь не восемнадцатый год, не вольница на бронепоездах! Если есть приказ – изволь исполнять. Не получается – прояви инициативу, найди выход! Вот вы что предпринимаете насчет этих мин?

Начсвязи почесал над ухом, отчего фуражка с облупленной звездочкой съехала на бок.

– Есть у меня один, из телеграфной роты. Он что удумал: закидывает кошку на веревке, цепляет провод и дергает. Ежели мина есть, она взрывается. Штук пять уже сняли!

– Что ж, толково. Но все равно, медленно работаете! Связь нужна! Что у нас с радио?

– Со вчерашнего дня в эфире сплошной треск. Мы и так, и эдак – глухо. Словно нарочно!

– А может и правда, нарочно? Еще в Японскую войну моряки забивали искрой передачи вражеских станций.

– Может и так, товарищ комюж. Но я-то что могу? Радиотелеграфная станция у нас слабая, еле добывает до Джанкоя. Придется ждать, пока провод починят.

Фрунзе наклонился к адъютанту, сказал что-то вполголоса. Тот кивнул, сделал пометку в карманной книжечке.

– Через два часа жду доклада о восстановлении связи. Хоть с депешей верхом скачите, а связь чтоб была!

Начсвязи кивнул.

– Теперь вы, Александр Лукич. Как дела у Каретника?

Борчанинов, член РВС Второй Конной, торопливо встал с табурета:

– Части революционных повстанцев Украины под командованием Каретника движутся на юг, вдоль побережья. На Альме наткнулись на пехотный заслон, вступили в бой.

– Результаты?

– Пока неясно, товарищ комюж. Связи по проводу нет, депеша доставлена на аэроплане.

Фрунзе повернулся к адъютанту:

– Срочно пишите приказ товарищу Павлову³: пусть поднимает пять... нет, семь аэропланов с бомбами и пулеметами. Помните, в начале девятнадцатого товарищ Ленин распорядился

---

³ Иван Ульянович Павлов – командующий авиацией Южного фронта.

создать особую авиагруппу для действий против Мамонтова и Шкуро? Очень тогда удачно сработали авиаторы. Вот пусть и помогут Каретнику, нельзя допускать заминки в продвижении на Севастополь! И отметьте: срочно произвести воздушную разведку, сведения немедленно ко мне!

Чекист яростно замотал головой.

– Как можно доверять махновцам, товарищ комюж? Чтобы всякие банды брали Севастополь? Да они только грабить горазды! Подумаешь, заслон – юнкерье, гимназисты! А эти «eroи» уже полсутки возятся! Враги они, товарищ комюж, все до единого враги, хуже Петлюры!

– Ну-ну, товарищ Евдокимов, не надо рубить сплеча. Одессу махновцы взяли, при Ишуне крепко помогли...

– Потому и помогли, что мы их снабдили огнеприпасами, провианта подкинули! От своих оторвали – и ради кого? Забыли, что они в июле у нас в тылах учинили?

– Когда придет время, с махновцами мы разберемся. – отрезал Фрунзе. – А пока пусть наступают. Севастополь надо брать, Москва требует, сам товарищ Ленин!

Евдокимов нехотя кивнул.

– В конце концов, – примирительно сказал командующий, – чем больше их покروشат, тем нам потом меньше хлопот. Верно, товарищи? Будем считать, что врангелевцы делают нашу работу.

II

Над рекой Альма.

Гидросамолет «Финист», бортовой номер 3

Всадники порскнули в стороны. Новый заход: на пологом снижении обстрелять конницу из курсовых пулеметов, потом метрах на тридцати выровнять машину и пройти на бреющем, над самыми головами улепетьяющих в ужасе «гарних хлопщв». За спиной, в проеме двери, грохочет ПКМ – стрелок азартно поливает длинными очередями, гильзы дождем сыплются на пол, улетают в дверь. Лейтенант сделал зарубку в памяти: надо приспособить к пулемету мешок- гильзоулавливатель. Стрелок, конечно, пристегнут, из самолета не выпадет, но и поскользнуться на стреляных гильзах – мало приятного.

Примчавшийся на грузовике юнкер рассказал Зарину о роте Константиновского училища, которая из последних сил сдерживала на Альме махновскую конницу. Дали знать на «Можайск»; Куроедов приказал выдвинуть на помощь юнкерам два взвода на броне при установках РСЗО и гусеничных самоходках. Морпехи кинулись заводить машины, но всем было ясно – не успеть. Пока доберутся до места, жиденский заслон сомнут.

Единственный шанс продержаться до подхода бронегруппы – удар с воздуха. Авиатехники на «Адаманте» спешно разворачивали лопасти вертолета; на «Алмазе» к пилонам двух «Финистов» подвешивали бомбы и НУРЫ. Третий, без ударной подвески, покачивался у борта «Алмаза» – его готовили к разведвылету на Бахчисарай.

Эссен раздумывал недолго: крикнул бортстрелку захватить лишних пару коробок с лентами для ПКМ, спустился по веревочному трапу к «Финисту». Так, НУРов и бомб нет, бэка к пулеметам в наличии. Указатель топлива... уровень масла... аккумулятор... порядок!

Гидросамолет развернулся и пошел на взлет. Эссен описал круг над Севастопольской бухтой и лег на знакомый курс.

Радио ожило:

– «Третий», я «Адамант», что там у вас?

– «Адамант», я «Третий». Противник, до двух полков конницы, атакует позиции юнкеров. Захожу для штурмовки. У меня все, прием.

– «Третий», «Я «Адамант», звено с полной подвеской идет к вам. Погоняйте конницу, пока бэка хватит, и назад. Броня выдвигается, прием.

В вышине, что-то блеснуло. Солнечный зайчик на остеклении кабины? Лейтенант пригладелся и резко положил машину на крыло. За спиной загрохотало, стрелок, матерясь, повис на ремнях.

– «Адамант», я «Третий», атакован истребителями! «Ньюпоры», два или больше. Вступаю в бой!

Эссен готов был спорить, что у красных пилотов движки изношены не меньше, чем «Гном» его старой «эмки». Из «Ньюпоров» и в лучшие дни можно было выжать не больше ста восьмидесяти в час, а сейчас они вряд ли дадут и сто шестьдесят. Зато маневренность отличная, не то, что у «Финиста» с его громоздкими поплавками.

А потому – никаких боев на виражах! Атака на пологом снижении с разгоном, уход в набор высоты, разворот и снова атака. «Финист» и в морском варианте быстрее чуть ли не на сотню в час, не говоря о скороподъемности. И вооружен получше: два «ПКТ» в подвесных контейнерах – это вам не архаичный «Льюис», стреляющий поверх пропеллера.

Но это у ведомого. У ведущего, кажется, два синхронных «Виккерса» на капоте. Похоже, опытный пилот, недаром фюзеляж украшен красным чертенком, гоняющимся за черной уткой. Красный ас? Что ж, посмотрим...

Набор высоты, заход от солнца, РУД до упора – атака! Жгуты трассеров летят мимо, юркая цель выворачивается из перекрестья, ручку чуть влево... «Финист», ревя форсированным движком (четыре сотни сил против восьмидесяти!), пронесся мимо. Сзади загрохотал ПКМ – стрелок не упустил шанса. Э-э-э, да он попал!

Аппарат с бесенком пошел вниз, волоча за собой хвост белёсого дыма. Второй отвернул в сторону моря: запаниковал, пытается удрать с разгоном на снижении.

«Ну, теперь не уйдешь...»

Сбросить газ... «Финист» повис на хвосте «Ньюпора», метрах в двадцати. Он что, самоубийца, недоуменно подумал Эссен – прет и прет по прямой, едва не задевая колесами барашки волн? И когда это они успели пересечь береговую черту?

Эссен откинул колпачок, нашарил пальцем гашетку. Правый пулемет молчал; левый плюнул короткой очередью. Патроны, мать их! Лейтенант принял влево, чуть добавив оборотов. Если поравняться с «Ньюпором», бортстрелок сможет его обстрелять.

Этого не потребовалось. Обнаружив на хвосте неприятеля, красвоенлет с перепугу бросил аппарат вправо. Это его и погубило.

Виной всему стал вращающийся вместе с винтом блок цилиндров ротативного «Гнома». Влево «Ньюпор» поворачивал неохотно, задирая нос, а вот правый вираж выполнял с изумительной легкостью, но при этом резко клевал носом. Опытные пилоты знали об этих особенностях и даже использовали их в бою, но сейчас противником Эссена был явный новичок.

«Ньюпор» лег на правое крыло и опустил нос. Будь у красного пилота хоть метров пятьдесят высоты в запасе, он сумел бы выровняться. Но у него не было и двадцати. Аппарат зацепил крылом воду и закувыркался по волнам, словно игрушечный бумеранг из перекрещенных рек. Плоскости разлетелись в стороны, капот нырнул в воду – конец! Эссен прошелся над местом падения – если пилот держится на воде, можно сесть, подобрать беднягу.

Нет. Только обломки и расплывающееся масляное пятно.

«...»Третий», ответь! «Третий», ответь! «Третий, я «Адамант», ответь! Эссен, мать твою, ты жив?

Лейтенант чертыхнулся сквозь зубы – вот что значит, нет привычки к радио!

– «Адамант», я третий, все в порядке. Сбил двоих, расстрелял бэка, иду домой.

Самолет подпрыгнул на семьсот метров, и с этой высоты Эссен увидел подходящие к Альме «Финисты». На пилонах – серебристые цилиндры пусковых контейнеров.

Все, шутки кончились, господа селюки. Пришли взрослые и *очень* сердитые дяди...

–14 успокаивающе тарыхтел. Две победы – совсем неплохо, но почему его это совсем не радует?

«Бог не выдаст, свинья не съест, Реймонд Федорыч, – сказал Корнилович. – Надо будет, и на Гражданской повоюем. Хотя, по мне, так лучше с германцами или англичанами. Воля ваша, а меня не тянет стрелять в русских...»

Будто меня тянуло, с запоздалым раскаянием подумал Эссен. Одно дело – причесать пулеметами бандитов, вообразивших себя идейными анархистами, и совсем другое – сбивать русских авиаторов! Они ведь могли воевать в германскую, особенно тот, с чертенком. Впрочем, он кажется, сумел посадить аппарат... И все равно, мерзко: будто он вышел на дуэль с противником, вооруженным кремневым «Лепажем», взяв «Маузер». У красных авиаторов не было ни единого шанса.

Какого черта, в самом деле? У французов и англичан в 1854-м не было ни пулеметов, ни аэропланов, ни скорострельных пушек, и это не вызвало никаких душевных терзаний.

«Но ведь это не русские, верно?»

И что, выходит, они не люди?»

Эссен помотал головой, отгоняя непривычные мысли.

Пора заканчивать с этим декадансом! Их никто не звал в Крым, этих французов и англичан. Да и красные летчики первыми ввязались в драку: увидели одиночный гидроплан и сочли за легкую добычу. А раз так, пусть не обижаются! Война – не спортивное состязание и не рыцарский турнир. Это к барьеру надо выходить с равноценным оружием, а в бою главное – победа.

Только почему у него так пакостно на душе?

III

Крым, околица села Улуккул-Аклес

Штакельберг шлепнулся в пыль, стащил фуражку, и принялся вытирать лицо.

– Алексис, принимай роту. Вот, держи...

Юнкер сунул Адашеву обшарпанный «Цейсс».

– Я? Почему? Рукавишников что, убит?

– Пуля в живот. Успел сказать: «пусть Адашев...» – и кончился. Так что командуйте, граф, стрелецкие сотни ждут!

Однокашники то и дело подкалывали Адашева, припоминая его предков, воевод и окольных из учебника истории. Тех, что при Иване Грозном водили московские полки на Казань и в Крым.

Но сейчас не до шуток. Хотелось ткнуться лицом в жухлую траву, не видеть ни осточертевшей степи, ни побитых шрапнелями глинобитных развалюх, ни мелькающих вдалеке всадников.

– Петя, рысцой к «Остину». Пусть Рыбайло изготовится ударить с фланга.

– Так он последнюю ленту расстрелял!

При отражении предыдущей атаки броневик очень вовремя высунулся из-за крайних мазанок и в упор скошил пол-эскадрона «украинских повстанцев».

– Пробегишь по цепи, возьми у каждого хоть по три патрона. Если Рыбайло их пужнет, может, снова откатятся?

Штакельберг покачал головой.

– У нас во взводе по обойме на человека. Чем отбиваться, матами?!

– Разговорчики! – рыкнул Адашев. – Приказано собирать патроны, значит, вали, собирай! Надо будет, и матами отобьемся, а без броневика нам гроб с музыкой!

– На левом фланге у Ваньки Сагацкого полтарелки к «люське» осталось. – подумав, сообщил Штакельберг.

– Вот и пусть остается. Если пройдут по балочке и заскочут в тыл – всех к свиньям порубят. Беги, говорят тебе, Рыбайле еще ленты набивать!

Штакельберг убежал. Адашев проводил его взглядом и встал во весь рост. Из цепи на него зашикали, вдали хлопнули выстрелы, пуля тонко пропела в стороне.

«Плевать. Из этих селюков стрелки, как из г...а пуля.»

В бинокль были ясно видны увешанные бомбами и маузерами всадники. Папахи, овчинные безрукавки, бескозырки с ленточками, черные бушлаты, перекрещенные пулеметными лентами, шлемы-богатырки и кавалерийские шинели с «разговорами». Над головами плещется черное полотнище. Адашев знал, что там намалевано: адамова голова и корявые буквы:

«Смерть вси хто на пиришкодг добутья вільності трудовому люду».

Две... нет, три атаки назад эта тряпка чуть не досталась юнкерам. Очередь «Шоши» скосила хлопца, размахивавшего «чоршм прапором», и если бы не подхватил другой, на рыжем скакуне – было бы у юнкеров взятое в бою знамя.

Впрочем, о чем это он? Ободрали подол у срамной девки, намалевали какую-то пакость на мове – а туда же, «священная хоругвь»...

С фланга, вдоль нестройных рядов конницы, понеслись тачанки. Адашев опустил бинокль и стал считать, по привычке шевеля губами: «...пять... семь... одиннадцать...»

«.. много, черт! Хлестанут очередями, а потом пойдет лава...»

– Ро-о-ота! – зычно выкрикнул Адашев. – Кавалерию подпускать ближе, огонь только по команде!

Тачанки все разом развернулись, подняв тучу пыли. Он едва успел шлепнуться в пыль, как над головой засвистело, застрекотало.

«сейчас сдвинут прицел пониже и влупят по залегшей цепи...»

– Закройсь! – заорал он, изо всех сил вжимаясь в землю. Стрелковые ячейки, старательно открытые ночью, остались там, где разворачивались сейчас махновские сотни. Юнкеров прикрывали только остатки саманной изгороди да наспех накиданные лопатками бугорки красной крымской земли.

«с утра семь атак, одна за другой, когда окапываться..?»

Слева, со стороны моря затарахтело. Звук был неожиданный, Адашев даже не сразу его узнал. А когда узнал – улыбнулся и, не обращая внимания на очереди, высекавшие фонтанчики пыли в трех аршинах перед ним, приподнялся на локте и замахал фуражкой.

Со стороны моря вдоль неровной линии тачанок заходили в атаку два гидроплана.

Адашев ожидал, что на головы «украинских повстанцев» посыплются бомбы. Или стрелы-флешетты, их еще с германской наловчились применять по кавалерии. Но чтоб такое...

С аппаратов сорвались дымные жгуты. Они утыкались прямо в тачанки – Адашев видел, как подлетела, разбрасывая во все стороны колеса, одна повозка, как опрокинулась от близкого разрыва другая, как валились кони, метались в ужасе всадники. А гидропланы уже шли на новый заход, и на бочонках, висящих над поплавками, забились огненные бабочки.

Глава восьмая

I

К северу от Севастополя

Бронетранспортер качнуло на ухабе и Андрей, чтобы не слететь с брони, ухватился за ствол пушки. «БТР – серьезная, тяжелая машина, внушал инструктор, и при том, может развить приличную скорость. Учтите, водила всегда будет гнать. Не потому что он ас или куда-то торопится – просто он боится! Фугаса, выстрела из РПГ в борт, да мало ли чего! И о том, что какой-то лох может улететь вперед при торможении, он думать не будет. А потому – бушлат под задницу, ноги либо в люк, либо упереться в поручни. И помните, ваша безопасность – в ваших руках. Только вот свободных рук у вас не будет, в них автомат. А когда в башке крутятся две исключаяющие друг друга мысли – «за что бы зацепиться?» и «как бы не уронить ствол?» – добра не жди.

Андрей напросился с морпехами в последний момент. Ему сунули броник с разгрузкой, автомат и указали место поближе к башне. Андрей послушно выполнил указание, заметив, что рядом с ним ненавязчиво держится сержант.

Опекают? Пусть их, сейчас не до амбиций. Тем более, что кататься на броне ему доводилось разве что во время ежегодных плановых выездов на полигон.

Но как же греет мысль, что на дороге не встретится – по определению! – ни закладки с радиоподрывом, ни бармалея-гранатометчика, ни пристроенной на стволе пирамидального тополя противобортовой мины. А вот шамальнуть из-за плетня из винаря или обреза по нахально разъезжающим белякам – это здесь запросто.

А юнкер, что сидит рядом – в лихо заломленной фуражке, в кожанке с двумя рядами латунных пуговиц и бриджах цвета хаки, – он что, тоже думает об опасности? Сомнительно – ишь, как горят глаза! Мчится на рычащем восьмиколесной громадине: кум королю, не страшен никто на свете, и уж тем более, какие-то махновцы. Надо полагать, предвкушает, как задаст им жару...

Юнкер примчался в город на дребезжащем грузовичке, помог выгрузить раненых, таких же, как он, юнкеров. И узнав, что на помощь выдвигается рота с тяжелой техникой, категорически потребовал взять его с собой. Капитан-морпех не возражал – карта картой, а проводник не помешает. И вот юнкер трясся рядом с Андреем, прижавшись к башне, в обнимку с обшарпанным мосинским карабином. От автомата отказался: «Спасибо, господин офицер, со своим сподручнее. Вашего оружия я не знаю, а нам скоро в бой». Прапор, предлагавший юнкеру укороченный «калаш», посмотрел с уважением и отстал.

– Юнкер, а сколько вам лет? – спросил Андрей. Не спросил – проорал. Иначе не услышать: водила топит в пол, движок завывает на подъемах, шипит, выпуская излишки воздуха, клапан тормозной системы, матерятся бойцы. Шумное это дело – марш-бросок на броне.

– В январе девятнадцать будет господин... простите, не знаю вашего звания?

– Майор Митин. Скажите, вам довелось повоевать?

– Так точно, господин майор! В августе был на Каховском плацдарме, в сводной рота училища.

– «Каховка, Каховка, родная винтовка...» – пробормотал Андрей. – Выходит, понюхали пороху...

Совсем пацан, ему бы в институт бегать... Андрею вдруг вспомнился пакостный мем «онижедети». Те студенты, что бесновались на киевском майдане, тоже ничего не боялись и головы не берегли. Семнадцатилетние «онижедети», в каком бы веке, под какими звездами

они бы не жили, готовы кинуться в любую заваруху, и неважно, с арматуриной или с мосинкой. И плохо дело, если не найдется нравственной опоры в виде присяги, погон, чувства долга, наконец.

Верху зарокотало – над колонной на север прошел вертолет. На кронштейнах пусковые контейнеры НУРов, в дверном проеме свесил ноги морпех с пулеметом.

– Ух ты, здорово! – восхитился юнкер. – Значит, авиаторы помогут?

– А куда они денутся? Это, конечно, не ударная вертушка, но тоже ничего.

Юнкер хотел что-то спросить, но замялся. Андрей выжидающе смотрел на него.

– Позвольте, господин майор? – решил юноша. – Бронемашины, оружие, гирокоптер – откуда это все? Никогда о таком не слыхал, а ведь рассматривал журналы с фотографиями с Западного фронта. Форма, штучки эти... – он ткнул пальцем в висящую на разгрузке рацию. – Это не французское и даже не американское!

Словно в ответ на непочтительный жест, рация пикнула вызовом. Юнкер от неожиданности одернул руку, и тут БТР резко затормозил. Андрей едва удержался, схватившись за ствол «тридцатки».

– Майор Митин? К комроты, срочно!

Андрей слегка развел руками – и рад бы, но, сам видишь, что делается! – и принялся сползать с брони. Сержант уже стоял внизу, готовый подхватить неуклюжее начальство.

II

Околица села Улуккул-Аклес

Спасибо авиаторам, атаку сумели отбить. И еще одну. И третью. Эта стоила константиновцам потерянного «Остина» – броневик, расстреляв последнюю ленту, набитую собранными по рукам патронами, ринулся на таран летящих к околице тачанок. Варварская тактика сработала: броневой передок расколотил в щепки две брочки, но с третьей под колеса кинули ручную бомбу. «Остин» осел, задымился, из приоткрывшейся броневой дверцы захлопали револьверные выстрелы, фигурки в хаки выскочили из подбитой машины и зигзагами кинулись к своим.

Добежал один Рыбайло; семнадцатилетнего Леню Деделе у самой околицы стукнула между лопаток пуля. Он так и остался лежать перед оградой – маленький, скорчившийся, на спине, затянутой в английское сукно, медленно расплывалось темное пятно.

Махновцы, обозленные потерями, подтянули на прямую наводку две горные пушки и швырнули по Улуккул-Аклес дюжины полторы снарядов. Артиллеристы они были никудышные: единственным результатом этой «артподготовки» стали разбитые мазанки, царапины от разлетающихся щепок, да легкая контузия у самого Адашева – трехдюймовая граната лопнула шагах в пятнадцати, по счастью, не задев никого осколками.

То ли «украинские повстанцы» жалели боеприпасы, то ли просто надоело ждать, но пушки утащили в тыл, и теперь перед околицей накапливались для атаки свежие сотни.

– Нет патронов... – прохрипел Штакельберг. – Совсем ни пса не осталось. Разве револьверы у кого...

– Примкнуть штыки! – проорал Адашев. – По моей команде – отходи, укрывайся за хатами, в садах, группами! И за плетни не вылезать, порубают!

Вот и все. Минута, две, может пять, а потом – хриплое дыхание, взмахи штыка, выстрелы в упор... И все. Живыми их не выпустят.

Он помотал головой. В ушах гудело, настырно, низко, пульсируя на одной ноте.

Контузия? Не похоже. И почему звук становится сильнее?

Адашев увидел, как другие юнкера стали озираться, в поисках... чего? Они что, тоже слышат?

...громче... громче...

Стена мазанки рассыпалась в глиняное крошево, из облака пыли прямо на юнкера выдвинулось скошенное железное рыло. Гул превратился в оглушительный механический рык, и теперь стало ясно, откуда он шел – давя татарские халупы, выворачивая с корнем абрикосовые и черешневые деревца, из глубины Улуккул-Аклес выползли три огромные машины. Назвать их броневиками язык не поворачивался – «Остин» и «Ланчестер» выглядели рядом с этими чудовищами детскими игрушками. Не меньше английских «Уиппетов», прикинул Адашев – он видел такие на каховском плацдарме. Бронемшины разворачивались, перебирались через канавы, походя крушили изгороди из саманного кирпича. За ними, в пыли, мелькали фигурки, увешанные незнакомым оружием.

– Сашка! Адашев? Живой, чертяка?

Коля Михеев. Карабин под мышкой, рожа в пыли, улыбка до ушей.

– А где поручик? Надо отвести наших за деревню, майор приказал. Здесь сейчас та-а-а-а начнется!

– Рукавишников убило. – с трудом прохрипел Адашев. – Я принял роту. Ты толком говори, что за майор, куда отходить? Что тут вообще...

– Майор Букреев зам. командира батальона, морская пехота. А вы, как я понимаю, старший?

Адашев уставился на подошедшего. Такого он еще не видел: незнакомая форма в мелкую зелено-бурую крап, глубокая каска, сдвинутые на лоб широченные очки-консервы. Сам огромный и какой-то угловатый – наверное, из-за снаряжения, которым увешан торс, пояс, даже бедра. В руках... карабин? Скорее, ружье-пулемет, вроде «Шоши», только обойма не так сильно изогнута...

– Конницу мы отбросим к реке, а дальше по ним отработают «Торнадо». А вы отведёте своих за дальнюю околицу.

Адашев хотел было спросить, что это за «торнадо» и как они собираются «отработать», и тут бронемшины ударили. Тонкие, длинные стволы в замысловатых башенках выбрасывали полотнища огня, в махновцев летели светящиеся трассы.

«Ду-дут! Ду-дут! – Ду-дут!»

Юнкер краем глаза видел, как рассыпаются вдоль ограды бойцы в такой же пятнистой форме, как выползает, круша стену, увитую диким виноградом, гусеничная машина с круглой, плоской башней из которой торчит длиннющий ствол солидного калибра. Танк взревел, плюнул сизым дымом, замер и ударил огнем Раз. Другой. И еще. И снова.

«Так не бывает!»

Вдали, там, где только что мельтешили махновские тачанки, выростала пыльная туча. В дыму взрывалось, грохало, мелькали пулеметные трассы – и вдруг какофония стрельбы оборвалась. Тишина навалилась, глухая, непроницаемая, будто уши залепило воском. Юнкер качнулся, уцепился за какую-то скобу, торчащую из брони. Ноги не держали.

–.. да очнись ты, чудак-человек! – проник сквозь восковые затычки голос Михеева. – Собирай наших, айда к грузовикам. Надо раненых погрузить и... остальных.

– Стой, Никол, погоди... – Адашев понемногу приходил в себя. – Какие грузовики? А как же махновцы? У нас приказ – удерживать...

– Да забудь ты про махновцев! Нет их больше, и не будет! Вон, смотри!

Со стороны Качи, из степной мути, из-за крыш Улуккул-Аклес выростали, перечерчивая небо, дымные полосы. Вслед за ними волной накатывался пронзительный, выворачивающий душу вой.

III

Крым, к северу от Качи

БТР-ы с морпехами ушли вперед. Оттуда, из-за заброшенной башни оптического телеграфа, из-за мазанок и фруктовых садов порывы ветра нет-нет, да и доносили винтовочный перестук – константиновцы отбивали неизвестно какую по счету атаку.

Позиции РСЗО остались позади. Машина арткорректировщиков, «Тигр» МК-БЛА-01, выдвинулся в сторону «передовой», и пока командир-старлей переговаривался с огневыми, бойцы распаковывали кейсы с аппаратурой тактического беспилотника. После недолгой дискуссии – ставить НП на башне, или нет? – от этой идеи решили отказаться. Торчащая над приморским плато башня – первая мишень; по местным понятиям там просто не может быть наблюдателя, а то и огневой точки. Выкатят на прямую наводку трехдюймовку – и привет.

«Красные в городе, пулемет на водокачке» – припомнил Андрей старый фильм о Гражданской войне. История повторялась: в 1854-м пулеметы попаданцев тоже держали подъем на плато, только вместо махновцев через речку лезли зуавы принца Наполеона.

Беспилотник взмыл с направляющей и, сделав изящный разворот, неторопливо поплыл по своим делам. На мониторе замелькала картинка.

– Тащ майор, – обратился к Андрею стралей-морпех. – Броня выдвинулась к намеченному рубежу! «Второй» сообщает: «Вижу конницу, вступаю в бой». Вот, слышите?

Заглушая пулеметное «так-так-так», до них донеслось стаккато автоматических пушек. Глухо, как в подушку, ухнуло – раз, другой, третий.

– «Вены». – пояснил старлей. – Минами кроют.

Самоходки 2С31 «Вена» могли, как и их предшественницы, «Ноны», вести огонь 120-миллиметровыми минами. Они и летели сейчас на головы конников Каретника.

– Готово, тащ страшлейтнант! – подал голос прапорщик. – Птичка на месте, есть картинка!

Лейтенант схватился за рацию:

– «Первый», это «Третий». Картинка с дрона пошла, сообщите, как видите?

Андрей заглянул через плечо оператора. С высоты казалось, что конные фигурки редко рассыпаны по степи, но он хорошо знал, что с земли наблюдателю на земле это видится слитной, сплошной массой конницы. Пулеметы и автоматические пушки БТР-ов уже сбивали атакующий порыв: кто не попал под секущие трассы, разворачивают коней, думая только о том, чтобы убраться подальше от этого ужаса.

По флангам расходятся в стороны отчаянно пылящие повозки. Тачанки. Что ж, неглупо – прикрыть атакующих косоприцельным огнем. Только никакой атаки уже нет: конники, сбившись в кучу, отходят за гребень плато, сталкиваются со свежими, идущими на помощь эскадронами – и образуют сплошную массу людей, коней и тачанок.

Что и требовалось доказать.

Над головой завывло. Андрей инстинктивно пригнулся: разум понимал, что ракеты летят на высоте сотен метров, но жуть все равно пробирала до костей. Небо наискось прочертили десятки дымных трасс с огненно-оранжевыми острями, а над головами все выло и выло, загоняя сердце куда-то в желудок.

– Началось! – заорал оператор. – Вот, смотрите!

Видимо, ракеты прошли рядом с беспилотником – изображение дернулось из стороны в сторону, а они все летели и летели мимо хрупкого аппарата, обдавая его клубами выхлопных газов. Андрей ждал, что земля под ногами дрогнет, и над горизонтом встанет до неба стена огня и вывороченной земли. Но нет, экран заполнили облачка мелких разрывов, как ковром, накрывая конницу.

– Кассетные бэче. – пояснил старлей. – По сорок пять на ракету. Штатно пополам должно быть, кумулятивные и осколочные, но для нас, по спецзаказу, сделали чисто противопехотные.

Андрей понимающе кивнул: в 1854-м неоткуда взяться бронированным целям.

– А сейчас что, дадут еще залп?

– Зачем? – удивился офицер. – Там и так живых не осталось! Если кто уцелел – разбегутся, пока будут перезаряжаться. Нет, думаю, довольно. Сейчас, пыль осядет, и броня пойдет вперед, зачищать.

Андрей поежился, представив себе, как колеса БТР-ов давят конские и человеческие трупы.

– Старлей, а тебе не жутко? С твоей помощью сейчас отправили на тот свет несколько сотен живых душ. А раненых сколько, перекалеченных... Не турки какие-нибудь, не англичане с французами – русские!

Старший лейтенант озадачено посмотрел на Андрея.

– Что вы такое говорите, товарищ майор? Какие русские? Русские – это те, что с Фрунзе, красные то есть. А эти – бандиты, укрупы, мать их, бандеровцы!

– Не бандеровцы, а махновцы. По-твоему, красных «Градами» долбать нельзя, а этих – сколько угодно? А Махно, между прочим, украинским националистом никогда не был, это ты его с Петлюрой путаешь. У того верно, сплошь западенцы, галицийцы, сечевые стрельцы, которых австро-венгры вооружали против России. А что до бандитов – не слыхал, как махновцы в 19-м навели шороху в деникинских тылах? Белые тогда на Москву шли, корпус Мамонтова чуть ли не под Тулой объявился...

Андрей видел, что собеседник стервенеет с каждым его словом. Он понимал, что выглядит смешно и уже жалел, что затеял этот разговор. Это вам не Серега Велесов, истинный гуманитарий с тонкой душевной организацией.

– А не пошел бы ты, майор, к бениной маме! – выверился наконец старлей. От прежней его доброжелательности не осталось и следа. – Совсем охренели в своем ФСБ! Лекции он мне читает – петлюровцы, не петлюровцы... расскажи мне еще, что этих, мать их за ногу, селюков напрасно обидели! Да я на таких свидомых хлопцев посмотрелся в четырнадцатом, под Иловайском!

Ну конечно, с запоздалым раскаянием подумал Андрей, в экспедицию набирали людей с боевым опытом. Донбасс, Сирия, кто постарше – вторая чеченская. У старлея приказ, а он лезет к нему с идиотской рефлексией, которая подошла бы либералу с известной московской радиостанции...

Морпех, похоже, увидел в словах Андрея совсем другой смысл:

– Слушай, Митин, а может ты проверить меня решил? Ну, так запомни и в донесении напиши, чекист хренов: старший лейтенант Астахов ваши голимые проверки на конце вертел, вместе с проверяющими! А будешь парить мне мозг – не посмотрю, что старше по званию. Начищу рыло, а там хоть трибунал!

IV

Дорога на Севастополь

– Что это вы, граф, примолкли? – спросил юнкер Шестобросов, устраиваясь поудобнее на дощатом дне кузова. – А раньше все с хиханьками да хаханьками, на всякое слово у вас два, с заходцами. Язык проглотили?

Адашев забился в угол кузова и сидел там в обнимку со своим карабином. После второго ракетного залпа у него случилась истерика – пришлось успокаивать, отпаивать водой из колодца, под руки, сажать в грузовик. Роту принял Теленников из третьего взвода – сейчас он катил в кабине «Пирс-Эрроу» в голове колонны.

– Оставь его в покое, – посоветовал Михеев. – Не видишь, человек в шоке?

Поредевшая колонна константиновцев тянулась по пыльной дороге за машинами морпехов.

– Те самые, «Торнадо». – Штакельберг кивнул на трубчатые короба. – Как они по махновцам вдарили – страшное дело!

– Скажите, Никол, где вы раздобыли такое козырное подкрепление? – поинтересовался Рыбайло. Оставшись без «Остина», он перебрался в "Фиат" второго взвода. – Весной бы, под Армянск таких «органов» хоть десяток – краснюки бы до Харькова драпали, а то и до Москвы.

– А мне их бронемшины больше нравятся. – отозвался Михеев. – Вот бы порулить таким! Непременно упрошу майора, чтобы позволил...

– Букреева, что ль? – осведомился Шестобросов. – Не, этот не даст.

Отчетливый служака!

– Не его, другого, Митина. Я с ним, пока сюда ехали, познакомился. Вы не поверите, господа, что у них еще есть! Особенно эти, как их... дрыны. Маленький такой, вроде аэроплана, и летает. А на земле – коробка со стеклом, и в нем все видно, как в синематографе! Они, прежде чем стрелять своими ракетами, послали эту дрыну, сверху все разглядели и как-как врежут! Майор Митин говорил – штаб махновцев с землей перемешали!

– Нет, я больше так не могу! – Шестобросов развязал вещмешок, извлек из него стеклянную, в суконном чехле, флягу. Зубами выдернул пробку и, привстав, протянул Адашеву. – Глотните, граф, сразу полегчает...

Штакельберг принял фляжку и чуть ли не насильно всучил Адашеву. Тот некоторое время сидел, безучастно сжимая флягу по-детски, обеими ладонями, потом сделал большой глоток – и зашелся в кашле.

Штакельберг похлопал юнкера по спине, тот помотал головой и просипел что-то матерное.

– Вот так! – довольно сказал Шестобросов. – Теперь еще глоточек – и совсем отпустит.

Штакельберг осторожно понюхал фляжку.

– Вы звери, господа! – выдавил, наконец, Адашев. – Лицо у него покраснелось, глаза блестели вполне осмысленно. – Я-то думал – коньяк, или на крайний случай, самогонка, а тут...

– Обижаете, граф! Чистейший ректификат, девяносто шесть оборотов!

Сверху затарахтело, над дорогой прошли два этажерчатых аэроплана.

– Это, что ли, ваши дрыны? – лениво осведомился Шестобросов. – А с виду – самые вульгарные «Ньюпоры», у меня брат на таком летал на австрийском фронте.

– Да нет, я же говорю, тот маленький совсем, а эти...

На обочине, шагах в двадцати от «Фиата», вырос дымный султан, по ушам стегнуло рассыпчатым грохотом.

– Возду-у-ух!

Глава девятая

I

База авиаотряда ЮжФронта

«Фарман» зарулил на стоянку. Мотор чихнул несколько раз и замолк.

– Все, съемщики, вылезайте. И не забудьте богу свечку поставить – считай, заново родились!

– Темный ты человек, хоть и авиатор! – буркнул Карякин, перебрасывая ногу через край кабины. – Сколько годков по небу летаешь – вот скажи, видел там хоть заваливающего ангела?

– Дурак ты, прости господи! – отмахнулся пилот. – Сам едва в ангела не обратился, а зубоскалит! Что ты за человек такой неосновательный?

– Это ты к товарищу моему обращайся, он тебе про ангелов все основательно обскажет! Некрасов, ты ж из жеребьячьего сословия?

– Дядька меня воспитывал, священник. – отозвался из кабины второй, тощий, высокий, с узким интеллигентным лицом. – И вообще, хватит болтать, держи камеру...

– Поп воспитывал? – удивился Карякин, принимая замотанный чистой тряпицей ящик. Из-под тряпицы высовывалась гнутая латунная ручка. – Зачем же ты, едрена шишка, в Красной Армии очутился? Мобилизован, что ли?

– Доброволец.

– Бывают такие чудеса – попович за красных, а мужик за Врангеля!

– Хватит пустозвонить, товарищ! – не выдержал пилот. – Ступай лучше в штаб со своей съемкой. Нам перед вылетом что сказали? Товарищ Фрунзе лично распорядился разведку к нему без промедления!

– И верно, заболтались мы! – засуетился Карякин. – Вот и я говорю, Некрасов – раз с верной линии сойдешь, замешкаешься скажем, революционное рвение не проявишь – и все, ты есть враг и место твое у стенки!

Некрасов не слушал напарника. Он спрыгнул на землю, потянулся, провел ладонью по борту кабины, похожей на кургузую лодку. В фанере ершились острыми щепками пулевые пробоины.

– Вон, и крылья издырявленные! – подсказал пилот. – Как мы в живых остались, ума не приложу! Павлов, командир наш, видали, как горел? Лучший военлет Республики, два ордена Красного Знамени! И Дедюлин и Скаурбит... Я всю германскую пролетал, а такого огня с земли не видел! Вы хоть снять душой своей что-нибудь успели?

– Должны были успеть. – отозвался Некрасов. – А вообще, смотреть надо. Когда в прошлый раз на Турецкий вал летали, я тоже снимал, а как пленку проявил – одно мельтешение. Но сегодня должно получиться!

– Обязательно должно! – встрял напарник. – Иначе это что ж получается, Некрасов – снова сплошное вредительство и перевод матерьялу? Или опять будешь карандашиком карябать, по памяти?

– Могу и накарябать. Такое захочешь – не забудешь! Каракатицы, не броневики: колес нечитано, на гробы похожи...

– А беляки на их сверху расселись, как бабы на возу! – засмеялся Карякин. – Как мы верхом прошлись – то-то они посыпались!

– Они-то может и посыпались, да только нам потом всыпать не забыли. – хмуро отозвался пилот. – Пять машин улетели, две вернулись, все в дырках. Да еще утром двое скovyрнулись, на Альме этой распроклятушей!

– Нет в тебе, товарищ авиатор, оптимизма! – ответил Карякин, взваливая камеру на плечо. – Революция – дело такое, что надо на все смотреть в рассуждении будущей победы. Потому как, ежели затоскуешь – то сразу веру потеряешь, а стало быть...

– ... а стало быть ты враг и место твое у стенки. – подхватил оператор. – Такая, Карякин, логика революции выходит?

– Ты мне, Некрасов, слова «революция» не погань! По-доброму предупреждаю – у меня глаз у меня на врагов трудового народа очень зоркий. Ты пойми, к чему я тебе это говорю!

– Понял. – невесело усмехнулся Некрасов. – У косоного Егорки глаз шибко зоркий, одна беда – глядит не туда. Ладно, хватит балаболить, пошли в штаб.

II

Бахчисарай

Штаб 51-й стр. дивизии

– Значит, все тебе показали? – с подозрением спросил Евдокимов. – Взяли под белые руки, подвели – смотри, товарищ, запоминай, потом расскажешь в красном штабе?

– А что я, брехаю, по-вашему? – задиристо ответил Митяй. – Так и сказали – смотри хорошенько, а будут расспрашивать – все опиши, как есть!

– Странно, – негромко заметил командующий. – С чего бы врангелевцам откровенничать?

Евдокимов шарахнул кулаком по столу.

– Продался он, товарищ Фрунзе! – Я таких насквозь вижу. Смотрите, как зрачки-то бегают... в глаза смотреть, кому говорят! Отвечай, с чем тебя подослали!

К удивлению чекиста, «подосланный» не испугался. Наоборот – широко улыбнулся во всю свою простецкую физиономию:

– А не пошел бы ты к такой-то матери, товарищ! И на голос меня не бери, слышали таких, голосистых! Я как есть докладываю, а он орет! Я те шо, карманник, ты меня за руку поймал?

Лицо чекиста медленно наливалось кровью.

– Да я тебя... самолично... как контру!

– погоди, Ефим Георгич... – Фрунзе смотрел на Митяя с возрастающим удивлением. – Не надо пугать товарища. А ты...

– Митяй, – подсказал тот.

– А ты, Митя, давай-ка еще раз, и постарайся ничего не упустить.

Митяй, и правда, не испугался. Попавшись патрулям у вокзала, он, поначалу брыкался, выдирился, даже кусался. Когда «пятнистый» стянул ему руки тонким белым ремешком, Митяй попытался разорвать странные оковы, и взвыл от боли – фитюлька, вместо того, чтобы порваться, глубоко впиалась в запястья. Пятнистый с ухмылкой наблюдал за страданиями пленного, потом полил на пострадавшие руки бесцветной, лишенной запаха жидкости из маленького пузырька. Жидкость сразу вспенилась, окрасившись в розовое, но кровь идти перестала. Митяя бесцеремонно запихнули в большой зеленый автомобиль и отвезли в порт.

Он ожидал допроса, пыток, а вместо этого о нем забыли до середины следующего дня – только утром принесли прозрачную бутылку воды и тарелку гречневой каши с мясом. Увидав бутылку, Митяй обрадовался – можно ее разбить и воспользоваться горлышком-«розочкой», как оружием. Но бутылка оказалась из какого-то гибкого и чрезвычайно прочного материала, вроде целлулоида: разбить ее не удалось.

После обеда Митяя привели в кабинет. Двое пятнистых усадили его на стул, стиснули, а третий кольнул в предплечье какой-то штучкой. Митяй решил, что вот оно, начинается, но этим дело и ограничилось. Амбалы отпустили, и в комнате появился четвертый.

Этот смахивал на учителя гимназии – добрый, разговорчивый, веселый. Вопросы задавал простые, хвалил Митяя, похлопывал по плечу. Тот отвечал – почему не порадовать хорошего человека? А когда нахмурился, Митяй расстроился так, что пустил слезу. Ему что, трудно сказать, от кого получил донесение? Да нисколько! От товарища Евгения, конечно. Что непонятного? Бестолковый собеседник спрашивал про фамилию, внешность, но Митяй искренне недоумевал: кто же не знает товарища Евгения?

Потом его отвели на площадку, уставленную военными машинами и стали говорить. «Учитель» настаивал, чтобы Митяй слушал внимательно. Задавал вопросы – проверял, как запомнил. А еще через час Митяя отвезли куда-то за город и передали конному разъезду. Перед расставанием «пятнистые» повторили трюк с колючей штучкой, и на этот раз он уже не вырвался.

Новые допросчики оказались не такими добрыми. Говорили грубо, раза два дали по зубам. Один – здоровенный, в блестящей кожанке со злым, дерганым лицом, накричал на Митяя. Ну, он и не сдержался, ответил. Тогда второй, невысокий, с густыми унтер-офицерскими усами и высоченным лбом, заговорил вежливо. Ему парень отвечал охотно...

– Что-то с ним не так, Ефим Георгич. – задумчиво сказал Фрунзе, когда задержанного увели. – Ведет себя странно: то отвечает, как на исповеди, то петушится. И не боится, заметил?

Евдокимов кивнул. Он был озадачен – какой-то сопляк, явная контра и предатель, говорит с ним, заместителем начальника Особого отдела так, будто за бычки на привозе торгуется! Тут любой в штаны навалит от страха, а этот ведет себя так, будто все происходящее не неправду: выслушают, пожурят и отпустят.

– И тем не менее, – продолжал Фрунзе. – то, что рассказал этот Митяй, более- менее соответствует тому, что мы уже знаем. Соображения, товарищ Евдокимов?

– Я сначала подумал – пьян, вот и хорохорится. Но язык не заплетается, смотрит прямо. Да и запаха нет.

– Марафет? Чаек балтийский⁴?

– Ни в коем разе! – уверенно заявил Евдокимов. На этот счет у него имелся опыт.

– Хорошо, оставим пока. Как с воздушной разведкой?

– Аэроплан с кинокамерой вернулся, товарищ комюж. Пленку проявили. Несколько броневикиков незнакомой марки, с восемью колесами. О таких, если помните, доносили буденовцы. За броневикиками – огромные грузовики, тоже неизвестной марки, на шести колесах. Вот, штабной фотограф напечатал с кинопленки...

Некоторое время Фрунзе внимательно рассматривал еще влажные отпечатки.

– Выглядит устрашающе. Смотри-ка Ефим Георгич, солдаты сидят сверху! Помнишь, как в Москве и Питере, в семнадцатом, верхом на броневикиках ездили?

– Еще бы не помнить, товарищ Фрунзе! И, обратите внимание, вот кадры, сделанные на втором заходе: здесь они уже пососкакивали на землю и палят по аэропланам. И метко, надо сказать, палят – три сумели подбить!

– Значит, хорошо обучены. Они и понятно – офицеры, юнкера... Ладно, что мы имеем по городу?

Чекист развернул карту.

– Заслоны белых здесь, здесь и здесь. – он указывал остро отточенным карандашом. – Обойти – левое дело, мои люди и обходили. В городе тишь да гладь, изредка броневики по улицам ездят, такие же, как на фотографиях. В порту суэта, грузят корабли, что-то чинят. За Бельбеком и по всему Инкерману заставы, но не из пятнистых, обычные врангелевцы. Есть дозоры юнкеров. Вроде, все.

– От Каретника нет вестей?

---

⁴ Напиток революционных матросов: раствор кокаина в спирте.

– Ничего, товарищ Фрунзе. После гибели Павлова авиаторы боятся лететь. Два раза посылали аппараты в Джанкой, с донесениями. «Фарман» краснофлота Гуляева только поднялся в воздух – и сразу два беляка! И откуда только взялись... Прижали к земле, изрешетили крыло, он и хлопнулся. Аппарат вдребезги, спасибо, сам живой... Другого, летчика Киша на «Эльфауге», того, что без ноги летает, догнали верстах в десяти к северу, над степью. Будто знали гады, что он взлетел!

– Тоже сбили?

– Никак нет. Стреляли впритирку, вроде бы, ракетами. Нарочно указывали – садись мол, мил человек, а то долетаешься! Он и сел, а куда деться? Не успел отойти от аппарата – ему на протезе ковылять трудно! – беляки обстреляли аэроплан с воздуха и сожгли. Тоже ракетами.

– Ракетами... – Фрунзе нахмурился. – Вот и комэск говорил, что предупредительный обстрел тоже был ракетами...

Евдокимов развел руками.

– Ну, хорошо. То есть, плохо, конечно. Связи по-прежнему нет?

– Так точно, нет! С утра замначсвязи убыл в Джанкой на автомобиле. Не успел на пять верст отъехать, прилетела какая-то хренотень: аэроплан – не аэроплан, крылья как у мельницы, но сверху и крутятся. На борту царский морской флаг, как на этих... гидропланах. Замначсвязи пальнул по хренотени из маузера, а оттуда в ответ вжарили из пулемета. И как ловко: никого не задела, а радиатор в решето! Пришлось назад, в Бахчисарай, на своих двоих шкандыбарить.

Может, верхоконных послать? – предложил Фрунзе. – Разными дорогами? Хоть один, а доберется...

– Уже послали, ждем.

В дверь постучали. На пороге возник красноармеец-телефонист.

– Товарищ комюж! – вид у бойца был слегка обалделый. – Из Севастополя телефонируют. Какой-то капитан Куроедов. Требуется к проводу непременно вас, лично!

– И все же я не понял, кто вы такой?

Комюж не скрывал раздражения – трудно вести беседу, когда не ничего знаешь о собеседнике.

– Морской офицер? Служите во флоте Врангеля? Прибыли в Севастополь с Дальнего Востока? Или представляете Русский Экспедиционный корпус?

Вчера, на совещании штаба Южфронта были и такие предположения.

– Михаил Васильевич, давайте уважать секреты друг друга. Я ведь не спрашиваю, почему вы умолчали о переговорах с Дюменилем, когда докладывали Ленину и Троцкому?

Фрунзе поперхнулся.

– Но откуда... впрочем, ясно. В штабе ваш шпион?

– Все куда сложнее, Михаил Васильевич. И не рекомендую делать преждевременных выводов, все равно ошибетесь. Пока важно вот что: не надо пытаться войти в Севастополь. Поверьте, ничем хорошим это не закончится. Потерпите несколько дней, мы сами уйдем. А в Москву доложите, что попытка взять город силами Второй конной провалилась из-за трусости и измены махновцев. Валите все на Каретника, он уже ничего и никому не скажет.

Комюж насторожился:

– Вы утверждаете, что бригада товарища Каретника разбита, а сам он погиб? Вы в этом уверены?

В трубке раздался едкий смешок.

– «Товарищ», говорите? Таких «товарищей» надо в детстве давить, пока не выросли... Да. Уверен. Доложите господину Бронштейну – он отдельно порадует. Да, и не стоит обвинять радистов в саботаже: они бы и рады связаться с центром, да связалка не выросла.

– Так эти помехи – ваша работа?

– Наша. Как и провод на Джанкой. И не советую гонять связные самолеты. Пока я отдал приказ не сбивать их, а сажать, но если ваши пилоты будут и дальше лезть на рожон – могу и передумать.

– Хотите лишить нас связи? – немного помолчав, спросил Фрунзе.

– Именно. И, кстати, подумайте – а так ли вам полезна сейчас эта связь? Поверьте, некоторая изоляция пойдет вам только на пользу. А то, знаете, снова начнут «крайне удивляться непомерной уступчивостью», требовать «взятие флота, и не выпускать ни одного судна». И вообще, «расправляться беспощадно». Оно вам надо?

Фрунзе потерял дар речи: беляк дословно цитировал депешу предСовнаркома! Хотя, если у них шпион...

Невидимый собеседник будто прочитал мысли комюжа:

– Повторяю, Михаил Васильевич, у меня нет источника в вашем штабе. Да и не нужен он мне, мы и так все про вас знаем. Как, кстати, и про господ Бронштейна, Ульянова и иных прочих. Так что хватит гадать, и давайте договариваться.

III

Из записок А. Митина

«...последним аккордом драмы стал налет красной авиации: пять бипланов попытались забросать мелкими бомбами и ручными гранатами отходящую в сторону Севастополя колонну техники. Не ожидавшие такой наглости морпехи проворонили первый заход, и это стоило им троих легкораненых, разодранной осколками покрывки и поцарапанной брони. Второй заход встретили из всех стволов, от «тридцаток», до юнкерских мосинок – три машины из пяти буквально испарились в шквале огня.

Что ж, на войне, как на войне: когда в тебя бросаются бомбами – надо стрелять в ответ, узнав об этом, заметил: «им повезло, что у красных не нашлось флешетт. Сами подумайте: разрывов нет, поди, сообрази, в чем дело! Бойцы на броне, ничем не прикрыты...»

Короче, обошлось. Впредь осторожнее надо быть, вот что...

Стогов встречал константиновцев на том же плацу, откуда они недавно отправились умирать. Юнкера стояли ровным квадратом, в бинтах, с винтовками, в пропыленных, испятнанных кровью и копотью шинелях. На лицах – мальчишеский задор, словно и не было этих кровавых, выматывающих суток. Пошлют снова в бой – пойдут, с шутками, зубоскальством, с лихой песней. Они константиновцы, им иначе нельзя:

*«Гимназиста бьет по челке —
То Симбирец наш на Волге!»*

С грузовиков неслись стоны, полные страдания. Вперемешку с гражданскими, деловито суетились фигуры в камуфляже, с красными крестами на рукавах. Для раненых самое страшное позади: через полтора часа они будут на «Можайске», а там... Антибиотики, противошоковое; для самых тяжелых – немедленные операции. Долечивать их будут уже в XXI-м веке.

Были и другие – те, чьи тела сложили в кузов «Бенца», прикрыв наскоро изодранными шинелями. Двадцать три юнкера, двадцать три комплекта несбывшихся надежд, неотправленных писем, неполученных офицерских погон. Цена отсрочки, цена сотен спасенных жизней. Цена сегодняшней победы.

Юнкера слушали в гробовой тишине – слишком невероятные вещи говорил командир неизвестно откуда взявшегося крейсера. Но удивления не было: после того как к ним, расстрелявшим последние обоймы и приготовившимся к безнадежной штыковой, подкатили огром-

ные бронемшины, а взбесившееся небо обрушило на махновцев огненный дождь – чем еще их можно поразить?

Когда прозвучало: «Кто хочет отправляться с «Алмазом», шаг вперед! – шагнули все. А что остается? В эмиграцию? Бегство – это не для семнадцатилетних. Остаться с красными? Благодарим покорно...

Что ж, служба продолжается. Корабли пробудут в Севастополе не меньше трех суток. Надо охранять порт, помогать патрулям, выполнять уйму разных поручений. Уже фыркали моторы разболтанных грузовичков, юнкера с прибаутками карабкались на дощатые борта. Первым за ворота выкатился «Пирс-Эрроу» с Михеевым за рулем. В кармане кожанки – сложенный вчетверо листок, исписанный бисерным почерком. Первой строкой значилось: «библиотека Морского собрания. Екатерининская площадь». И пометка химическим карандашом: «выгрести все после 1854-го.»

Следом за «Пирс-Эрроу» едва поспевал дребезжащий «Фиат». Сидящий за рулем юнкер Рыбайло матерился, понося итальянскую рухлядь, у которой того гляди, закипит вода в радиаторе. А Михееву сам черт не брат – знай, давит на газ, а в кузове во всю глотку расппевают четверо его приятелей, да смотрит вдоль улицы толстый кожух «Льюиса»:

*«...Жура-жура-журавель,
Журавушка молодой!»*

Глава десятая

I

Севастопольская бухта

– Это же хлам... – поморщился Глебовский, старательно оттирая руки платком. – Машины надо менять, разбирать надстройки, резать корпус. Нашими силами – нереально.

Щеку Адриана Никоновича украшал мазок копоти. Брюки в угольной пыли, рукав пальто разорван – зацепился, когда выбирался из низов «Евстафия». Гордость Черноморского флота, участник боя у мыса Сарыч, броненосец, увы, отплавал свое – перед уходом англичане взорвали котлы и крышки цилиндров высокого давления.

По прибытии в Севастополь беженцев разместили в казармах управления портом. Но отдохнуть инженер не успел – часа не прошло, как за ним прибыл вестовой с "Алмаза".

Найдя в списке спасенных с «Живого» запись: «А.Н. Глебовский, служащий департамента путей сообщений», Зарин распорядился немедленно его разыскать. Не прошло и часа, как в его распоряжении оказался катер, кондуктор с двумя матросами и сопровождающий, мичман Солодовников. Утро они провели за осмотром судов в бухтах Севастополя. Полузаопленные, проржавевшие насквозь, и вполне исправные, выстроенные в ряд у пирсов и стоящие на бочках – здесь их были десятки, если не сотни. Броненосцы, эсминцы, буксиры, торговые пароходы – список занимал три полных листа.

– Что ж, с «Евстафием» все ясно. Очень жаль, но – безнадежно-с. Что у нас на очереди? Солодовников щелкнул застежкой папки и принялся перебирать листы бумаги.

– Прочтите-ка еще раз, с начала. – попросил инженер. – Кстати, кто составлял список?

– Стогов, комендант Севастополя. Вот, прошу...

Глебовский покосился на листок.

– Если не трудно, мичман, прочтите вслух. А то у меня, сами видите, руки – замараю...

– Всего в наличии: линейных кораблей – пять, крейсеров – три, миноносцев – семнадцать, – зачастил Солодовников. – ...подлодок – одна, катеров военных – восемь, катеров других – восемьдесят четыре, блокшивов – два, торговых судов – семьдесят одна единица.

Глебовский обвел взглядом броненосную шеренгу. «Евстафий», «Пантелеймон», «Иоанн Златоуст»; Чуть дальше – старички, «Три святителя» и «Синоп». Грозные некогда двенадцатидюймовки слепо пялятся в пустоту, котлы давно остыли. Гниль, ржа, разорение, даже крысы с тараканами покинули обезлюдевшие кубрики. Больше эти корабли в море не выйдут.

Мичман будто прочел его мысли:

– Адриан Никоныч, неужели из эдакой прорвы, нельзя отыскать хоть несколько на ходу?

– За полдня мы наспех осмотрели двенадцать судов. Чтобы разобраться со всеми нужно не меньше месяца. И потом, вряд ли здесь оставили исправные суда. Не знаю как здесь, а в Керчи до последнего момента пытались отремонтировать все, что можно!

– Тут все было иначе, Адриан Никонович. Судов хватало, а вот команды... Кочегаром, машинистом кого попало, не поставишь, так и до беды недалеко. На вашем «Живом» неприятности приключились как раз из-за кочегаров.

– Да, слышал, – вздохнул Глебовский. – Но я-то путеец и мало понимаю в судовых механизмах. В Керчи оттого только принял мастерские, что никого другого не нашлось.

– Вот и у нас не нашлось! На судоремонтном все разбежались: кто к красным подался, кто в эмиграцию, кто дома гуталин варит. Мастерских еще как-то нашли, а вот инженеров... Вы уж не подведите, Адриан Никонович!

– Да я бы с радостью, голубчик, но и вы поймите! Одно дело – локомотивные котлы, и совсем другое судовая машинерия. Вот вы «Живого» вспомнили, на кочегаров грешите. А ведь это я его ремонтировал, вполне мог и напортачить. Нет, боюсь, не справлюсь...

– Справитесь! – Солодовников для пушей убедительности взял собеседника за пуговицу пальто. – Не может быть, чтобы не справились! А я чем могу...

– Ну ладно, – смягчился Глебовский, – давайте-ка еще раз пройдемся по списку. Вот, к примеру, посыльные суда. Начнем, ну хоть с этого...

– «Казарский» – сразу ответил мичман. – Бывший минный крейсер, построен в Германии, на верфи Шихау, в девяностом. Четыреста тридцать тонн. Машина, три с половиной тысячи индикаторных сил, два локомотивных котла, тоже германские. Вооружение – три пушки семьдесят пять мэмэ, торпедный аппарат. Остальные сняли, когда перевели в разряд крейсерско-посыльных.

– Написано – «может дать ход». – Глебовский сделал пометку. – Дальше что?

– Посыльное судно номер четыре, раньше миноносец «Котка». Тоже старье, финской постройки, в Або.

– Эта скорлупка? – удивился инженер. – С самой Балтики сюда дошлепала?

– Зря вы так, Адриан Никоныч! – обиделся за бывший миноносец мичман. – Эту скорлупку даже на Дальний Восток послать хотели, потом оставили в Средиземноморской эскадре. Мы во время войны с ней частенько встречались. «Котка» сопровождала гидропланы: если на воду сядут – искала и буксировала к нам. И вооружение есть: минный аппарат и мелочь, сорок семь и тридцать пять мэмэ...

– Это меня не интересует, – сухо заметил Глебовский, – А вот почему эту «Котку» бросили, не взяли в Константиномоль – я бы хотел знать.

– Я же говорил, команду не смогли набрали! Людей на большие пароходы не хватало, а тут такая, как вы выразились, «скорлупка»...

– Хорошо, посмотрим эту самую «Котку». Но ведь и вам, как я понимаю, тоже нужны вместительные суда?

– Еще как нужны. – вздохнул Солодовников. – Только где их взять? У броненосцев машины взорваны, пароходы – сплошь ржавый хлам.

– А тот, на котором мы были перед «Евстафием»? – припомнил инженер. – «Березань», кажется?

– Бывший доброфлотовский «Петербург», семидесятого года постройки. Машина выведена из строя, тоже англичане постарались...

– Зато корпус в отличном состоянии. И трюмы – о-го-го, какие, не то что у миноносок! Если не ошибаюсь – там рядом стоял паровой барказ. Если на ходу, можно эту «Березань» зацепить.

Мичман зашуршал бумагой.

– Кабельное судно «Осторожный». Сто пятьдесят тонн, числится исправным. Машина сто восемьдесят сил. Слабовата, но с рейда вытянет.

– Вот и отлично! А еще землечерпалка номер сорок семь и «Перевоз», паром управления порта. С мореходностью у них так себе, зато вместительные и на ходу. Так что, хватит ползать по корабельному кладбищу, пора собирать ремонтные бригады. Сами же говорили, времени в обрез!

– А по пути, Адриан Николаич, осмотрим миноносцы «Строгий» и «Свирепый». – подхватил Солодовников. – Они, правда, не на ходу, но, вроде бы, ничего серьезного. Хотели наскоро подлатать и увести, но, видимо, тоже рук не хватило.

Катерок подпрыгивал на волне. Брызги из-под скулы разом обдавали низкую рубку и приткнувшихся за ней людей.

– И все же, господин мичман, зачем вам это старье? Ну хорошо, выползут на рейд, а дальше что? До Босфора ни один не дойдет, потопнут к свиньям вместе с грузом и пассажирами!

– Вы, Адриан Никонович, что собираетесь дальше делать? – ответил вопросом на вопрос офицер. – Здесь, в Севастополе, останетесь, или...?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.